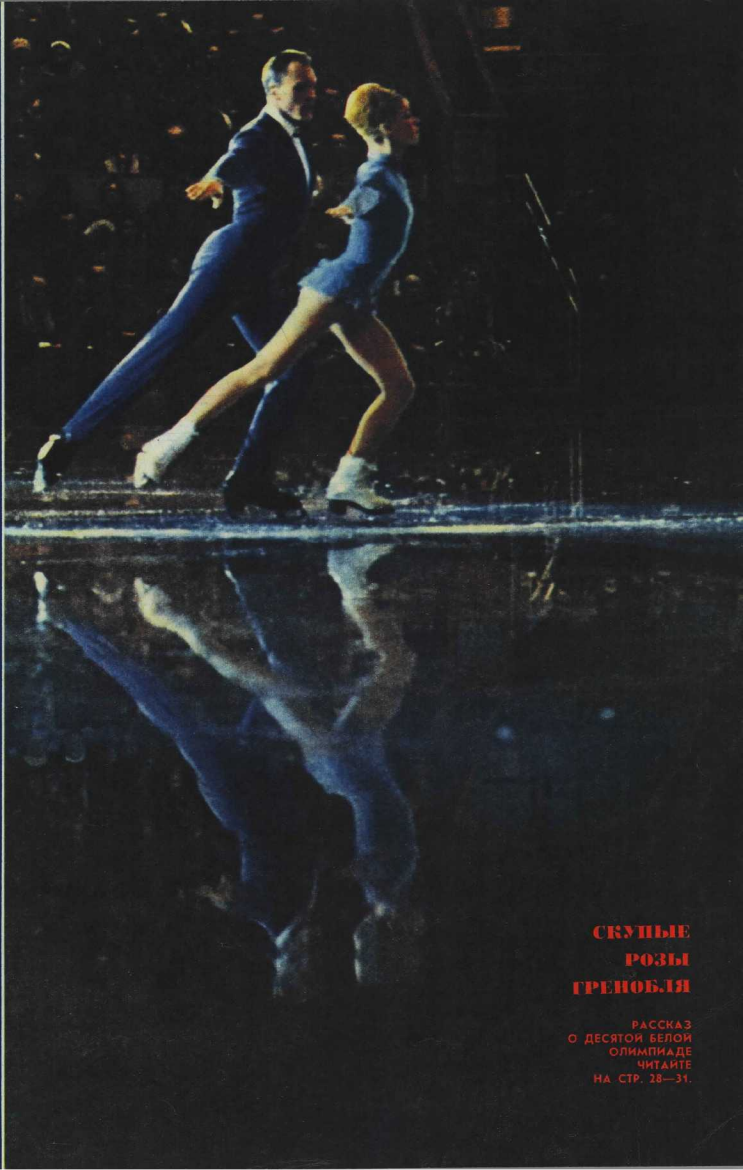

ОМЕТТА

№ 7
АПРЕЛЬ
1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВД»

СКУПЫЕ РОЗЫ ГРЕНОБЛЯ

РАССКАЗ
О ДЕСЯТОЙ БЕЛОЙ
ОЛИМПИАДЕ
ЧИТАЙТЕ
НА СТР. 28—31.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Выходит с января 1924 года

АПРЕЛЬ

7

1961

терно белый халат, как у доктора. — В нашей работе много общего с медициной — вспоминаются теперь слова Зины Шинкарь, «сестры» Семена Гуду: — Как она бьется за здоровье человека, так и мы...

Из-под темных, крутых бровей взгляд, серьезно смотрит вперед. Рядом сидит на прихвальной виски, прокладывая слеза выходящим волосам.

Тридцать два года, но все вокруг обращается к нему почитательно, привычно зовут по имени-отчеству. С восьми утра и до поздней ночи — Семен Павлович, а как...! а где...! а в какой...! Разные голоса: хорошо знакомые мужские и женские — помолочники, сослуживцы, руководства — и еще робкие и отчаянные — мальчишки и девчонки — ученики.

Одна ученица даже нарушила учебную дисциплину: дневник, из которого строго выданы записки производственной практики, она по собственному почину открыла словами: «Я учусь на предпринимателя, где работает Семен Павлович Гуду. Я хочу стать такой же, как он...»

У него учатся, а сам он студент. Занимается заочно, уже на третьем курсе. Когда он закончит институт, в его дипломе в графе «специальность» будет стоять «инженер-технолог». А вдобавок Семен Гуду — практик. Своей работой занимается с семнадцати лет, поэтому знает не настолько досконально, что имеет на своем «боевом счету» уже несколько изобретений. Изобретения эти не только официально зарегистрированы в соответствующих организациях и учреждениях, но и получили, как говорится, массовое признание, хотя тысячи людей, в душе благоговейно замечательного мастера за доставляемые им часы радости, и не подозревают, что имели дело с продукцией, изготовленной не просто хорошим знакомым, — изобретателем, можно сказать, артистом своей профессии.

Ему даже аплодировали. Ему и его товарищам. Правда, тогда аплодировали относительно не к его основному делу. Семена Гуду прямо из самодеятельности пригласили работать в прославленную ансамбле «Жюж». Семю не стал профессиональным танцором, но артистом остался на всю жизнь.

Потому что, по словам Гуду, в его любимой профессии, к которой он пришел не по призыву, а по сложившимся жизненным обстоятельствам, вынужденно, поначалу стеснялся у себя дома, в деревне, говорить, кем он работает в Кишиневе, — в его профессии содружуются в обязательном порядке два совершенно разных искусства и две таланты, которые необходимы и в работе врача и инженера, художника и организатора, учителя и изобретателя.

Такая профессия... Семен Гуду — повар. Один из лучших поваров в Молдавии. Это не преувеличение. Тот, кто не верит на слово, может сам убедиться в его искусстве. Вас ведут в Кишиневе, на улице Ленина, 115, в ресторане «Норик».

Норик — замечательное молдавское слово. «Норик» — приветствуют друг друга молдавские, когда у них хорошее настроение, дела идут отлично, ярко светит солнце, на душе тепло и хочется все эти ощущения и чувства передать другу. «Хай норик!» — говорят молдавские, улыбаются и подкидывают над столом глиняные кружки с традиционными молдавскими винами. Это тот случай: «Счастия тебе, друг!» Лингвисты считают, что у слова «норик» есть семидесять значений, и все они выражают одного слова — «счастия».

Конечно, это не научно, но для меня в «норике» отпечатались еще один значимый — как синоним слова «дружба», когда я узнала тот молодой коллектив, в котором работает Семен Гуду. Кол-

лектив ресторана со счастливым названием «Норик». Ресторан появился совсем недавно — и год не прошло — в красивом инжениерском парке. Новый двухэтажный дом, как принято сейчас строить, из бетона и стекла, светлый, с большими окнами. Утром за этими окнами пусто. Все триста элитных стульев в огромном зале аккуратно лежат веревочными на столах. И только на кухне повар, смысл слова юлить, бурлит жизнь. У плит и за столами четко работают совсем молодые люди в белых халатах. Вот в такое время однажды утром повар Зина Шинкарь, с почти автоматической ловкостью нарезает на доске гигантским кухонным ножом тонкие, как стружка, дольки лука для пасировки, объясняя мне значение своей профессии, у которой «много это человек, но немногие хотят быть за здоровым человеком, так и мы...». Зина не прошла в медицинское училище по конкурсу. Мечтала стать врачом, а теперь повар...

Здесь, это не разочарование. Это как второй открыл себя и своей профессией, гордится за нее. Не потерял, а счастливая находка... Потому что, если говорить откровенно, кто из сегодняшних десятиклассников мечтает стать поваром! «Стать целителем у плиты в фартуке и невелик колготки, каждый день варить десятками литров борщи и солоник, жарить сотни антрекотов — это что, романтизм!» — скажет любой из выпускников школы. Поварам же рождается. Но как становится, и сомаленно, чаще всего под давлением обстоятельств, из-за неудачно сложившейся судьбы, и тогда, тогда все зависит от самого человека. Если есть желание, инициативный человек, бездарный по своей природе, то и поваром ему не быть, но если есть у него и чему-то в душе любовь, такая горячая привязанность, что при любых жизненных обстоятельствах с ней не расставается, — вот тогда профессия повара поможет ему осуществить мечту. Такая это щедрая, человечная профессия.

Зина Шинкарь хотела «поправить людям здоровье», и здоровье людей — в ее руках. Поэтому она с удовольствием готовит борщи и солоник жарит котлеты, и все это у нее получается, если смотреть со стороны, легко, без суеты, с четким знанием производственного процесса. В том, как двигаться по кухне — от стола к плите — эта скромная, изящная девушка, заметна собранность, аккуратность, умение доржист мунтой от времени, которые обычно присущи медицинским работникам.

А ведь совсем недавно она работала на раздаче.

Семен Павлович мне доверил. Я приглашалась, училась... Вот теперь четвертый разряд, — рассказывает мне на ходу Зина.

А ты готовясь сдавать на пятый, — пододти к нам Семен Гуду.

Зина, это не предназначено по привычке для них, но непонятно постороннему обряте. Семем, такой неторопливый, обстоятельный, подробный в разговоре, оказывается неуповимо строгим и жестким к себе на рабочем месте. В его руках все время как-то бьются с подсымаи, пучками, накладными, меню, заявля на банкетный зал... («Засаленный фартук, ложка-поварка, ресторан «Норик», заведующий всем его производством. Он как дирижер оркестра, как тренер спортивной команды: его воля, энергия, деловое настроение, смелость, как заряд, передаются с утра коллективу».

Мы все в него влюблены, — просто сказали мне его сослуживцы. — Каждый хочет, чтобы Семен Павлович обратился к нему с просьбой: все с тобой коллектив».

Вот такой подход к делу: не приказывать, командовать [чего только не бывает в горячие вре-

мя для у горячих плиты, когда не только кипит в котлах бульоны — страсти кипят], а попросить, объяснить, посоветовать...

Такое отношение коллектива надо заслужить. Тем более коллектив, который еще не имеет установленных традиций, созданных недавно, и люди в него влились из разных климатов точки города.

Тут мог быть один путь, а это для Семена единственный при любых обстоятельствах — самому трудиться так, чтобы заслужить доверие, уважение большого нового коллектива.

Семен считает, что труд, работа — самое главное в жизни человека. Ничего не имеет значения не стали бы в такую горячую пору заниматься, если бы его товарищи не знали, что сам шеф-повар «включает» больше всего, на совесть, что это — главное дело всей его жизни. Комсомол высоко оценил его работу, наградив Семена Гуду «Почетным знаком ВЛКСМ».

— Вы бы видели, — рассказывали мне, — как Семен Павлович изобретает, когда он готовит: его уже нет с нами, он не на земле, помнител...

Мне это понятно, потому что я провела изобретения Семю — не все, конечно, а те, что готовил для посетителей, когда я оказалась в «Норике» — ученица коллектива. Когда коллектив «Норика» вечно искать и бороться старательно в изумленном ми и родном ему деле.

В своей работе Семю добивается того, чтобы любое блюдо было не только вкусным, но красиво сервированным. Когда коллектив «Норика» готовят праздничный стол, кажется, на столе не обычные закуски и блюда, а целые букеты цветов; негусто жареный, огни переливаются и дрожат на блюде.

Если разогорят Семю, откуда он берет для себя «Норика» те многочисленные молдавские блюда, которыми теперь славится этот ресторан, он расскажет, как летом ездил по деревням, находил бабушек, которых по традиции зовут на все большие семейные торжества, потому что эти бабушки держат в голове свои кулинарные секреты, как другие бабушки — скажи, трети — и песни или танцы.

Такие бабушки показывают Семю свое искусство, а он смотрит, записывает, потом в городе обрабатывает записи, составляет технологические рецепты современных условий приготовления пищи.

...Мне хотелось бы написать балладу о вкусной и здоровой пище — гордости молдавана. Потому что народная кухня — часть национальной культуры. Она как песня, как рукомое, как сказанье. Ее создает народ, народ хранит и передает новому поколению: берите, храните, радуйтесь! И это — счастье, когда для народа делается в руки таких людей, как Семен Гуду, у руки его товарищи по «Норик» — по счастью. Поэтому «баллада» надо было начинать с них. Помолочники Семю — Иван Сарбоу и Илья Тинку; директор «Норика» — Николай Гробоуца; двадцатипятилетний метрделец Лелуца Харабарь; инструктор Машия Подгордеа, которая проходила практику у Семю Гуду, а теперь сама на Шиме его производства унит «поварят» все блюда, обязательные официанты Вася Пиратя, Сергея Башак и Феня Георгиу; — я в долгу пред ним. И хотя я рассказала здесь о самом достойном из них — шеф-поваре «Норика», который недавно был награжден самой высокой наградой страны — орденом Ленина, о Семю Гуду — почетном комсомольце города Кишиневе, моллодом комсомольце — вместе с ним в городе о тех, кто каждый день идет к плитам, на которых готовятся наше здоровье и наше хорошее настроение. О тех, кто по чести и совести доржист своей профессией повара — доброй, поинтой, щедро дарящей людям радость бытия.

Н. ДМИТРИЕВА

Полковник Ю. ГАГАРИН, летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

В 1935 году, издалека до скитий, основоположник теории межпланетных полетов Константин Эдуардович Циолковский в письме в ЦК ВМФ[6] писал: «...Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям, передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды».

До того дня, когда запустили первого искусственного спутника Земли мы забыли лозо космической эры, надо было решить многие принципиально новые научные задачи, притом задачи небывалой сложности и небывалого риска.

Штурм космоса, начатый десять с половиной лет назад нашим народом, еще раз продемонстрировал всему миру мудрость и результативность ленинской политики КПСС и Советского государства.

Великим историческим событием в развитии ракетно-космической техники в СССР было создание самим народом для своего времени ракеты-носителя «Восток». С помощью этого носителя 12 апреля 1961 года был выведен на орбиту первый космический корабль.

Мы последовательно шаг за шагом, накапливали опыт. Была осуществлена энергетически сбалансированная схема полета космических ракет с запуском последней ступени с промежуточной орбиты. Решена проблема аэродинамического торможения при спуске. Большим достижением явилось создание комплексов средств для мягкой посадки и работы человека в открытом космосе, конструкции кораблей, предусматривающей выход человека в космическое пространство.

Важнейшим условием дальнейшего прогресса в исследовании космического пространства в последние годы явилось создание ракетно-космиче-

ской системы «Протон», суммарная мощность двигателейных установок которой превышает 60 миллионов лошадиных сил.

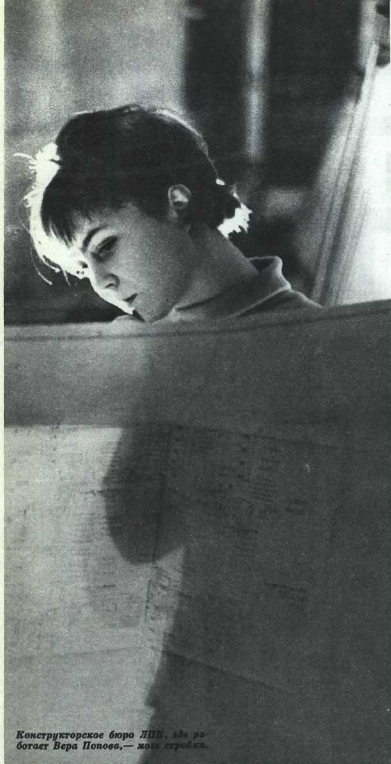
Разработаны новые конструкции двигателей для космических кораблей и автоматических станций, допускающих многократное включение, обеспечивающим маневрирование в космосе и торможение для посадки. Уже испытаны в космическом полете электро-реактивные плазменные и газовые плазменно-ионные двигатели — прообразы двигателей для лунателных аппаратов будущего.

Всесоким был выклад советской науки и техники в космические исследования юбилейного года Советской власти. В канун Великого Октября весь мир был восхищен успешным осуществлением полета автоматической станции на Венеру. Можно представить себе, какое техническое изобретение, какие потребовались для того, чтобы созданные вручную людьми космический аппарат, пройдя сотни миллионов километров, осуществил посадку на поверхность планеты и передал из новобразимой дали данные, значительно расширившие горизонты науки! А насколько думают спутить мир снова стал свидетелем выдающегося достижения советских ученых, конструкторов и инженеров — впервые была решена сложнейшая научно-техническая проблема автоматической стыковки космических аппаратов на орбите. Путь к созданию больших орбитальных космических станций был открыт.

Когда ракетно-носители выводили на орбиты космические корабли, ми, космонавты, чувствовали поддержку всего советского народа. Мы были горды доверием Родины, ее благодарные дела освещали нам путь вперед. Это был свет бессмертных ленинских идей.

Из журнала
«Авиация и космонавтика»

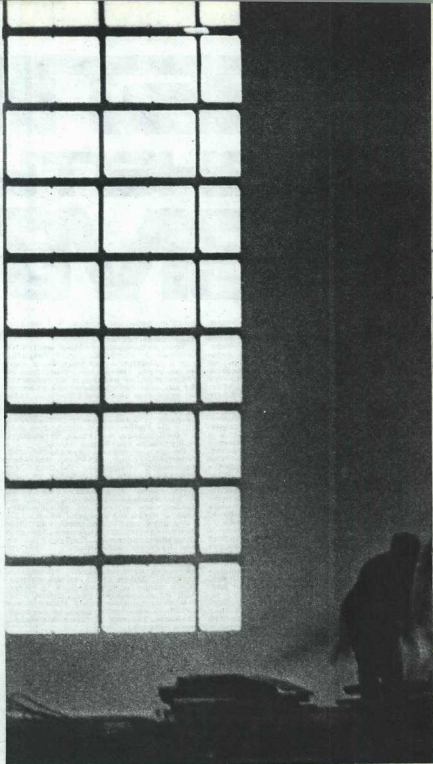

Конструкторское бюро ЛПК, где работает Вера Попова, — моя стройка.

М. БРИМАН

Фото А. ЛЕХМУСА

В № 5 «СМЕНЫ» МЫ НАЧАЛИ РАЗГОВОР О ВСЕСОЮЗНЫХ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ. ПРОДОЛЖАЕМ ЕГО РАССКАЗОМ О СТРОИТЕЛЬЯХ СЫКТЫВКАРСКОГО ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА.

Тыңия Стройки

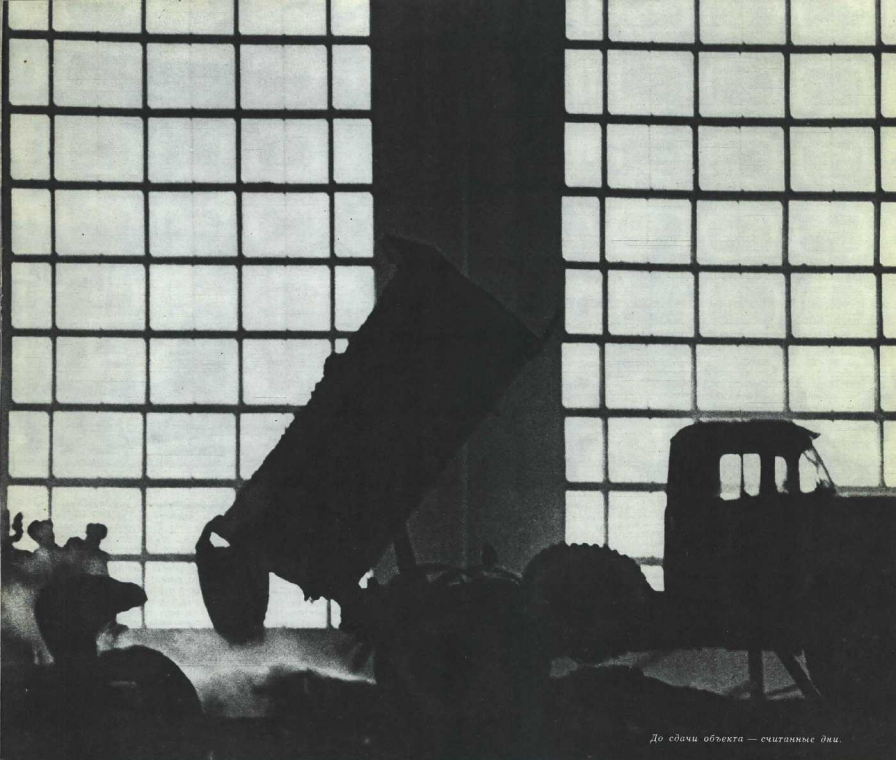
4 СМЕНА

В 1959 году ленинградские инженеры закончили в общих чертах проект уникального лесопромышленного комплекса, который предстояло построить недалеко от столицы Коми АССР Сыктывкара, в месте слияния Вымеды и Сысолы. Сообразные Сыктывкарского ЛПК было не только в том, что ему предназначалось выпускать бумагу и целлюлозу гораздо больше, чем любому из существующих комбинатов в Европе. Здесь впервые за всю историю взаимоотношений человека с лесом была нарушена сложившаяся традиция и сблокировано в одно целое предприятия по комплексной химической и механической переработке древесины.

Наряду с другими проектами комсомола принята к исполнению и этот необычный проект. Сейчас на берегу Вымеды уже стоит большой поселок бумажников и строителей, в производственных корпусах идет монтаж оборудования. Очень скоро Сыктывкарский ЛПК выдаст первые тонны целлюлозы, бумаги, древесно-стружечных плит.

Но путь от чертежей до этих первых тонн — это одновременно путь, на котором реализуются те личные чертежи, с которыми человек приезжает строить домну, плотину или комбинат по производству бумаги.

О таких чертежах рассказывает наш репортаж.

До сдачи объекта — считанные дни.

З

тот случай помнят до сих пор.

...В комнату постучали. Люба не успела ответить, как дверь открылась. На пороге с улыбками, приготовленными еще там, в коридоре, стояли двое пыльных парней. Из всего, что произошло потом, Люба запомнила только ту минуту, когда она стояла на подоконнике и один из них крикнул то ли ей, то ли тому, другому:

— Кончай! Слышишь, кончай!

А тот все-таки сделал еще один шаг. Люба не могла заставить себя кричать. Она повернулась, остро сознавая, что это конец, что жизнь —

...всё. — Ей повезло: два часа назад самолет вывалил под окном четвертого этажа, из которого она выбросилась кучу земли. Земля предназначалась для клумб, которые, согласно проекту, следовало разбить у женского общежития.

Тогда, три года назад, не было еще ни главного корпуса, ни мощной ТЭЦ, ни множества насосных и под-

вмных. А в поселке было всего пять-шесть домов. Но клумбы уже разбивали. И в этом не было ничего особенного. Просто проектировщики учитывали запросы тех, кто должен был реализовать их чертежи в бетон. Этим людям нужны были клумбы, жилые дома, школы, кинотеатр. И их строили быстро, с размахом. Работ, приехавших на стройку, прямо с вокзал посылали в новые дома. Работы смущались: они брали комсомольские путевки с мыслью о том, что едут на подвиг (север, морозы и выгот), а здесь их устраивали лучше, чем дома.

Это обстоятельство не могло не радовать. Но встречи с теми же ребятами наводили на мысли, что счастья, удовлетворения ждали все-таки от другого. И это «другое» вывалилось таинственно, которые уже не могли удовлетворить самые щедрые финансисты и самые изощренные архитекторы. Не могли потому, что, призывные перевести на язык цифр и на язык архитектуры стремление учиться или желание потягивать после работы, они беспомощны, когда речь

идет о таких вещах, как правда, честота, добро или любовь.

Именно об этом мечтают многие, срываясь в неведомую, но маящую ность. Именно об этом.

Они надеются на то, что именно здесь, не шебечкой, не ударной комсомольской, будет не только интересная работа, но и особенная, непохожая на прежнее, чистая жизнь. «Дарная» и «комсомольская» — слова, которые делают эту надежду более или менее реальной. «Где, как не здесь?» — думают многие, не догадываясь, что возлагают на строительство ту особую нравственную сверхзадачу, которая может быть, сложней всех производственных, бытовых и культурных задач, вместе взятых, хотя она во многом и является производной от этих задач.

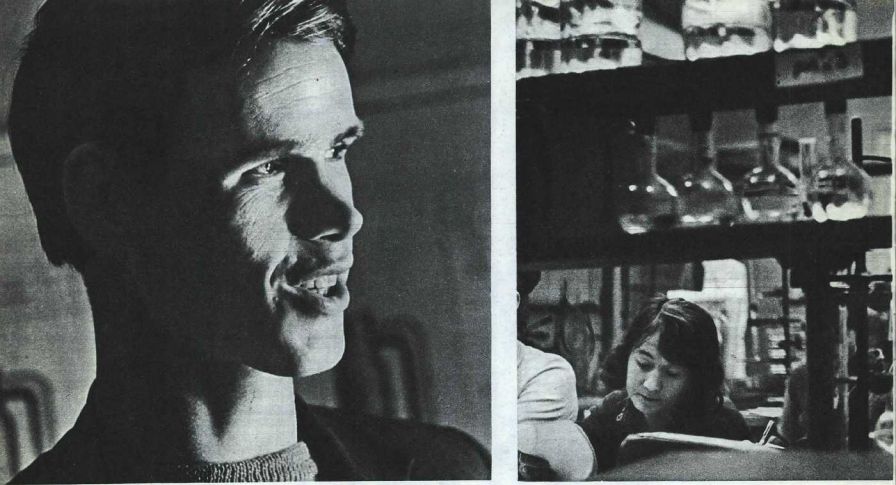
Будут ли приняты и исполнению эти вопросы? Или точнее: смогут ли люди, молодые люди, собравшиеся в количестве, превышающем обычные пропорции, установить в своей среде те человеческие отношения, о которых они мечтают? Вот Zweck, о которых я тогда думал.

История с Любой Михайловой настраивала меня на pessimистический лад. «Все-таки не смогли защитить девочку!» — думал я.

Тогда же, три года назад, я впервые познакомился с бригадой девушек из Чувашки, которые, как мне показалось, подтверждали не только мои догадки о той сверхзадаче, которую возлагает на стройку все имя, но и мои разочарования.

Кончался четвертый месяц их пребывания на строительстве. Месяц, который ядуг обнаружил, что обучение бригадным методом очень мало дало девушкам. Вчерашние десятиклассницы окружили меня на лестничной площадке недостроенного дома и стали говорить о том, что они совсем не лентяйки, что три месяца бригадир не столько учил их, сколько использовал в качестве подсобниц. Спокойнее, уверявшие других говорили красивая Валя Панина. Она была чуть старше других, в Чебоксарах работала на заводе.

— Без настоячей работы девочкам конец! — говорила Валя. — Я это

Тот самый Лютик...

знаю, надеждася. А чтоб по-настоящему работать, нужно по-настоящему учиться. Мы ему об этом говорили. А он одно: не обижу, zeker не наряд — будете довольны. Так разве в наряде дело?

Е перебилась Маленкова, смуглая и сероголаза Рая Оланова:

— Что хотат, то и делают! Завтра дадут хорошую работу, не хотат — не дадут. Завотят — завротят наряд по пятёрке, не захотят — рубль не получат.

Из всех этих грустных и злых слов я поняла тогда только одно слово — «денги!» Я пошла к начальнику строительно-монтажного управления. Он обещал что-нибудь придумать. И через два дня сам позвонил мне:

— Все в порядке. Подбросили девочкам денгадь. В янде прями...

Мое вторичное позволение девушкам встречи почти враждебно. Девки они получили денги. Они вынуждены были их взять, потому что ведь надо что-то есть. Но все равно это нечестно. Каким так премя, когда они еще ни разу не выполняли план! Не премя, а подачка.

— Что хотат, то и делают... повторила одна из них Раны слова. Другие молчали.

Уезжая от них в настроении, которое не назощиш ничем, как такостни, я думал о том, что примет и исполнению эту часть личной заявки. Кто поможет девушкам урешиться в их честоте? Честото говоря, я не находил тогда ответа на этот вопрос.

Сегодня, когда передо мной вся трагическая история пребывания Вали Пановой, Раи Олановой, Любы Югиной и их подружек на стройке, я вижу, что ошибался, что и тогда я многого не видел, а то, что видел, не понимал.

Например, я не понял, что означает заплаканный милой парадный солдатский мушкетер на Любимых плечах и на плечах еще нескольких де-

вушек. Откуда я мог знать, что именно такую одежду здесь, на стройке, выбрал себе тот высокий человецкий дух, ради которого сюда и едут? Тогда же я не придавал должного значения словам, услышанным мною от девочек.

— Лютик бегает, доказывает, — сказала одна из них, — так они данго его не слушают.

Откуда мне было знать, что парень с такой забавной фамилией, Лютик, комсомолец, демобилизованный солдат, уже однажды доказал девочкам, что ударник и комсомольская — это не пустые слова?

Узнав о том, что случилось с Любой Михайловой, Коля Лютик повел в женское общежитие своих друзей, демобилизованных солдат. Солдаты взяли девочек под свое высокое покровительство. Это была честота и верная дружба, которую у нас почому-то именуют сухонным словом — шефство». Коля Лютик, Саша Шевченко недосыпали ночей, сидя на скамеечке рядом со старой вахтершей, и всякая шушера, которой немало бывает на больших стройках, забывала дорогу в женское общежитие.

Ребята, посетив на девичий ситник, слабо приспособленный и работа под северным небом, отдали девочкам свою солдатскую парадную диагональ. И не там, кто красненько, а там, кто послабее...

Не зная этого, я написал статью о рублях и характеристиках. Грустную статью о молодой честоте, которую никто не берет. Говорит, статья произвела впечатление. Но сейчас я знаю, что неизмеримо больше помогли бригаде Коля Лютик и его друзья.

Ребята добились, чтобы девочкам дали возможность доучиться. Коля подыскал им бригаду. Мудрый, много повидавший в жизни Сергей Бартакович Бартаков очень хорошо почувствовал, о чем мечтают его неумыш. Он не только учил их. Бригада зашла тот же зимний, который только и могла удовлетворить девичьи стремления к дружбе, взаим-

ной привязанности, к любви. Это была жизнь большой семьи, где в складчину покупали туфли самой нуждающейся, делали подарки именинницам, вслух читали письма из дому, вместе празднично съедали и появились первых детей.

Но, пожалуй, самым главным было не это. Девочки, которых, как мне казалось, только и надо было что защищать, со временем стали той нравственной силой, которая сумела распространить свое влияние на окружающую.

Рассказывать об этом трудно, потому что приходится говорить о вещах очень личных и внешне неприглядных. Но рассказывать об этом необходимо, потому что, может быть, именно в эти вещи самое главное. Силуэт стройки могут определить трубы, подвизавшие над ним, но ее характер и название порой скрываются в тех невидимых для глаза коммуникациях, которые проложены под землей.

Росла стройка, удлиннялись, сплетались и расплетались в земле, ее главные коммуникации. Сплетались, вялились друг на друга судьбы ребят, встретившихся на стройке.

Лютик. Тот день, когда он привел своих друзей в женское общежитие, имел значение не только для девочек. Своим огромным последствием имел он для самого Лютика.

Перед приездом на Север он, как и многие другие солдаты, интересовался одним: можно ли здесь учиться? Учиться было можно: техникум, филиал лесной академии. Определившись на плотищную работу, Лютик успешно закончил подготовительные курсы, оставалось поступить в строительный институт. Но случай с Любой Михайловой (кстати, выдворенной, вышедшей замуж и влюбившейся в ухаживавшего на другое строительство), случив, когда Лютик впервые в жизни столкнулся с возможностью делать тоже самое, такос σημαντικό добро людям, кто-то изменил все его планы. Он почувствовал, что эти девочки — самое

дорогое, самое значительное, что было сделано им за всю жизнь. И он не стал отказываться, когда его выбрали секретером комсомольской организации, строительно-монтажного управления, хотя знал, что времени для учебы уже не будет. Потом он возглавил оперативный комсомольский отряд.

Ну, и что ты успел в жизни? — сказала ему недавно девушка-инженер, приехавшая из Ленинграда. — Что ты успел со всей этой общественной работой? Сашка Сербриков, которого ты же агитировал приехать сюда, уже закончил техникум, работает прорбом, а ты? Только и умеешь, что затыкать собою все дыры...

Высокий, тощий, с мальчишеским выпуклым лбом, Лютик хмурился редко, но на этот раз он, кажется, обиделся.

— У каждого своя мечта, — сказал он тихо.

— Своей мечтой ты уже похерился...

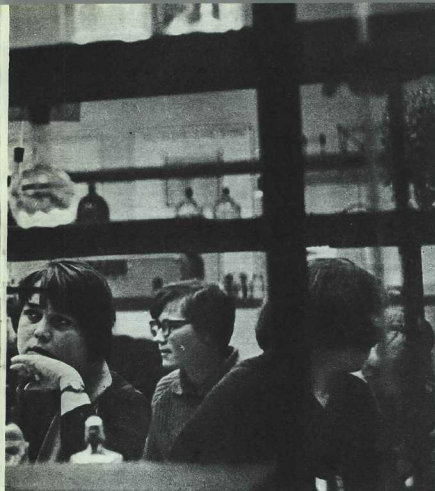
Он промолчал. А мне, случайно свидетелю этого разговора, признался:

— Решил идти в юридический... Людей, понимаешь, защищать надо...

Сплетаются и расплетаются судьбы на стройке, но в эти говорюворительных сплетениях угадывается какой-то свой, высококоосмысленный порядок, генеральная линия.

Е можно назвать линией добра, о которой, наверное, легче написать роман, чем репортаж, потому что в романе герои защищены авторским вымыслом, сфантазированным им сценами. Потому что роман — это правда возможного, а репортаж — правда факта: было или не было.

Была и есть на стройке линия Лютика. Поиск честоты и правды. Поиск, научив не только внутри, для себя, но и вне себя, для других. Наверное, именно эта линия свела Вали, красную, белокожую, красноточную Валу, с Володькой. Они познакомились на танцах. Худой и бледный Володька все время

загодом улыбался. После танцев обнаружилось, что Вале идти в четвертый квартал, где расположены новые дома и общежития, а Володье — в другую сторону. Он сказал об этом, прицелившись взглядом на Валин комсомольский значок. С визорами и одновременно робко. Там жили те, кого недавно выслали из тюрьмы или колонии, ребята, которым милиция пока еще не рекомендовала возвращаться на прежние места жительства. О них говорили худо. Те двое, что ворвались к Любе Михайловой, были отъяв.

— Проводи меня! — сказала Вала. По дороге Володя стал рассказывать о том, что тогда все получилось так неожиданно и так страшно, что, к счастью, ему повезло и дали минимальный срок, что дома у него мама и что он так радовался, когда его отпустили сюда, на комсомольскую ударку. А потом он говорил о тех ребятах, с которыми живет, иногда совсем неплохих, но до чертиков ошесточенных недоверием к ним и страхом перед ними.

— Впрочем, есть всякие, — сказал Володя. Любовя, настоящая любовь пришла и Вале потом. В тот вечер она просто вступила на дорожку добра, сделала это по той же причине, что и Люттик: человеку трудно — ему надо помочь. Ведь он так надеется, что здесь, на комсомольской стройке, ему помогут. Она не отпускала Володью ни на шаг от себя. Девчонки сперва не одобрили ее («с твоими данными выходить за твоего!»), постепенно стали привыкать к тому, что в холодные дни, когда нельзя было гулять, Володя тихи сидел в каски-шубу утлу обобщения. До двадцатидеи, до часу ночи, пока не приходила дежурная и не выгоняла его. И тогда Вала делала то, чего не делал никто: она шла провожать его.

— Она не боялась. Потом Вала добилась, что Вартаветов принял Володью в их брига-

ду. Они вместе строили жилой дом под номером 18, радиоточку, профтехучилище. Он стал лучшим плотником в бригаде. Потом они похаживали.

И теперь, когда в комитете комсомола стройки заходит речь о взаимотношении комсомольцев с теми ребятами, говорят:

— Трудно, конечно. Трудно, потому что их много и потому что урок не всем пошел на пользу, но для нас это был экзамен. Мы несли его сдавать с того, что запретили делить ребят на «чистых» и «нечистых». И мы оказались сильнее. Недавно приехали трое в комсомол. Сейчас приглядываемся еще кое к кому.

И Саша Шевченко, комсорг стройки, называет имена. Среди прочих и имя Володье Панина.

— Правда, здесь циником Валина заслуга, — признается он.

Эту свою историю Вала рассказывала мне перед Новым годом, на кухне того дома гостиничного типа, где ей и Володье выделили комнату. Мы давно не виделись, и Вала увела меня из маленькой, нейтральной соседской комнаты (недавно купили телевизор, и теперь по вечерам у них люди), чтобы рассказать о себе и девчонках. Кое-что из них ухезло, но страшно сказать, и рвется назад, кое-кто обрел новую профессию, у многих уже дети.

— Надо собраться, — решила я вдруг Валу — Любу Юлию ваташу. Помните ее? Мы кричим, возмущаемся, а она знай себе коверкает. В техникум поступила, депутат городского Совета Занятия — правда, баба. Но я ее все рано дожду. И Нишу Тельманову, очкарика нашего, и Люттика и Вартаветова. И других девчонки. С мужьями и детшками. А соберемся у Райки Олаговой, и мы непременно приедем.

Как и раньше, Вала, ениквокс не начальство, как она отраномендовалась в первую нашу астрону, командовала всеми и говорила за всех. И как раньше, ее слушались и приносили с мужьями и детшками.

Вырастет ЛДП, и сегодняшние строители Любы и Валины с Оля Тихоновой станут миликами.

Все, кроме Люттика, у которого было собране оперативного отряда. Было шумно и васьло, и а с трудом упили минуту, чтобы поговорить с той самой «бешеной» Райей, что так не навидела начальство.

— Как ты жовнешь, Райя!

— Я счастлива. Она сказала это, помедлив секунду, словно обдумывая, но очень спокойно и очень твердо. Я не уверился и напоянил ей, как неистово воевала она три года назад. Раа сказала, что такого не было. Но, бросив взгляд на маленького усталого Вартаветова, сказала:

— Знали бы вы, как ему доставается. Нам что? Выть до ползости: материаль, фронт работ... А это стройка. И все трудно. Такой расход нервов...

Я подумал, что это пришла зрелость. Зрелость, без которой всякие мечты о чистой и просветленной жизни стоят немалого. Потому что только она дает силы остаться верным этой мечте, превратить ее в действительность.

Вокруг нас болтали и смеялись. Райи муж — Алчик, монтажник на главном корпусе, возился с магнитофоном. Вала кричала из кухни, что наркотика уже готово, тихая Люба Юлиня студентка-заочница и депутат горсовета, тещка Райного Игорика и смущалась, когда Вартаветов спрашивал ее, когда она некончен выйдат замуж.

Потом начались воспоминания, которые для точности или для краткости ребята призывали к какому-нибудь объекту: к дому № 15 или дому № 18, и разговоры ни о центральных мастерах — ко всем тем местам, где они замешивали раствор, штукатурку, краску, балки, терпели сорочкагрудные морозы и нудные осенние дожди.

А у окна в свете голубых и бирюзовых сумерек стояла и смотрела на ребят новенькая — Райна подруга из Чебоксар Люда Фирсова. Она приехала просто посмотреть, уж очень заманчиво описывала ей стройку Раа. Но сейчас решила ос-

таться. Нет, там, в Чебоксарах, все было хорошо. Работа на фабрике игрушек, очень интересно раскрашивать их. Можно фантазировать сколько хочешь. И учеба тоже: она окончила вечернюю школу. И в личном плане тоже: есть хороший парень, которого она, кажется, любит. И все-таки она останется здесь. Почему? Ладно, если у уж так nastавило, она сможет. У нее очень хорошие вещи, любящие родители. Но они живут только для себя. А ей так скучно. Ведь в жизни самое главное, чтоб вокруг тебя были не хорошие вещи, а хорошие люди...

— Она стояла в свете северных сумерек и внимательно и нестерпимо востушала, о чем говорили за спиной ребята.

Кажется, тонкий Вартаветов понял ее взгляд, потому что вдруг прервал чей-то рассказ и предложил тост за новеньки.

За исполнение их желаний.

На Сыктывкарском лесопромышленном комплексе — Всесоюзной ударной комсомольской стройке — микрорайон дружен, бодрый и имеет проблемы и тысячи хороших людей, о которых можно рассказывать бесконечно. И та бригада, о которой рассказывали мы, и та проблема, которую затронули, — лишь лютот того чистого таежного воздуха, которым дышат на стройке и которым мы затеваем подделиться с тобой, читатель.

Те вправе спорить при этом: а где же самый важный, самый «кислородный» элемент этого воздуха — ежедневный труд строителей?

Мы почти не спорили о нем, хотя и раньше немало рассказывали о штурмовых работах сентября 1965-го, когда запусклась серия комплекса ТЭЦ, или о подвиге мальчиков-артиллеристов, которые в морозном декабре 1967-го почти без сна «дожидались» посылку, чтобы выполнить свои обязательства. В этот день мы просто рассказывали на той строительной площадке, друг. Мы думаем о том, что если работа, усталая и нужная людям работа, порождает «нравственный кислород», то она, в свою очередь, не может обойтись без него. Он превращает труд в горение.

Судьбы молодых строителей — вот что волнует коммент ВЛКСМ, его активистов Любу Мушкевич и Сергея Обласова.

ГОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Евгений ШАТКО

РАССКАЗ

Доктор, прихрамывая, бред между ними. Вперед вышагивал Ким, сзади — Аркашка. Они были связаны одной веревкой. Аркашку затаила уверенная спина доктора и его уши, маленькие уши правильной формы.

— Говорит, у бездарных людей маленькие уши! — вспоминал Аркашка время от времени.

Доктор глотал таблетки от горной болезни. Ему хотелось казаться увереннее — он это знал.

Рейка несколько завалилась, встал по ладнику. Они обзаны свисте доктора вниз, на базу, где он не желает, видите ли, находиться. Из-за него Ким и Аркашка не успеют обратно, на восхождение. Ни черта не успеют!

— Эй ты, труп, шевелись! — крикнула Аркашка Киму. — Тотай быстрее! Ким не оглушусь и проворачивал только через несколько минут — до того противно было говорить.

— Всекие блохи еще разговаривают...

Аркашка была мала ростом.

Доктор горько усмехнулся, надоело слушать дельные студуческие остроумия. Всеобщие эти альпинисты оказывались, в сущности, серыми, одинаковыми парнями. Смертельно надоел сумасшедший свет, опроизвела фигура Кима, покоя на кенгуре. Надоел Аркашка, который вдруг перестал любить и слушать с разинутым ртом его, доктора. В послание ани от Аркашки исходят злобные волны; доктор ощущал, как они толкают его в спину.

На призыве Аркашка отвернулся от доктора и маленькими красными глазами смотрел на ведомые теперь снежные вершины, куда ушла рейка. Аркашка видела эти вершины во сне. А теперь им не забраться туда во веки веков!

Ким не отворачивался, ел из одной банки с доктором, но ему очень хотелось стукнуть банкой Валерия Петровича по голове.

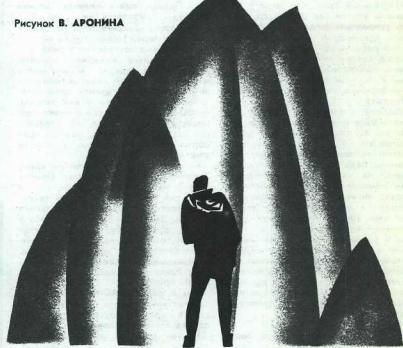
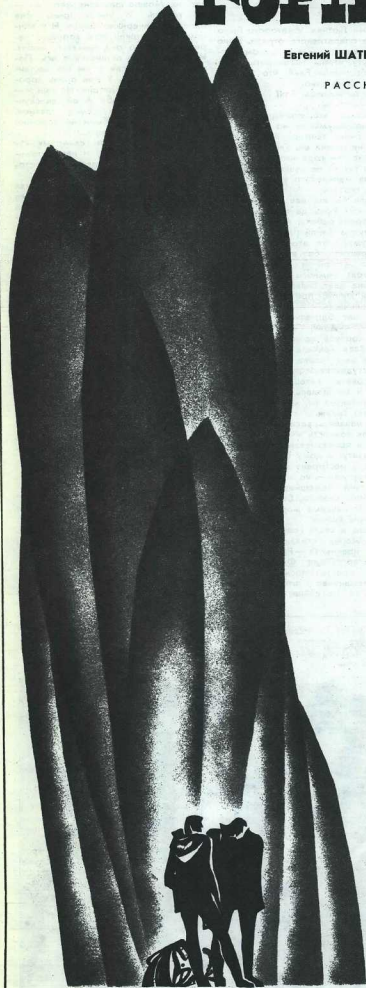
«Видно, неземично в человеке звериное, тупое, — думал Валерий Петрович. — Так издеваться человека! Ну за что?»

После обеда они бегом быстрее. Горы строго стояли по бокам и сзади, солнце похмало за спиной. Тени от их фигур ложились на торосах. Они торопились, чтобы скорее пройти скверное место — крутой спуск, ледопад. Доктору надо было обязательно свистеть на базу до ночи. Тогда утром они выйдут обратно и, может быть, успеют к восхождению. Ради этого Ким и Аркашка ехали сюда пять тысяч километров. Надо успеть до темноты свистеть доктору. А на рассвете обратно. И успеть! Успеть надо этому красавчику доктору с его французской бородакой! Только бы в сумерках пройти ледопад. Там круто падающий лед расщеплен трещинами, точно порублен испанским топором. Надо идти быстрее. И осторожнее. Доктора следует переправить через все эти трещины без сучка и задоринки.

Началось все так. Когда альпинисты университета собирались на Памир, потребовался врач. Врач для альпинистов нужен был особенный: выносливый, спортивный, из бродяг.

Однажды, когда ребята готовились к отъезду, в спортзале проверяли километры веревек, налаживали примусы и примеряли триконы, вошел Андрей Егорыч, начальник сбора, а за ним стройный человек лет тридцати, с бородакой. Андрей Егорыч, довольно улыбаясь, представил молодого врача, работавшего на судах дальнего плавания.

Рисунок В. АРОНИНА

К поездке доктор являлся с чемоданом и связкой книг. В дороге он не рвался в козла, а на станциях не бежал искать пиво, как все братья. Он читал книги об альпинизме. Скоро ребята узнали, что Валерий Петрович после восхождения будет писать диссертацию о горной болезни и способе ее лечения. Все было поощрено и тронуты, только один Ким хмыкнул.

— Значит, док будет рассматривать нас как попятных кромолек? — Аркашка ответил.

— Молчи, твой Человек да тебя будет рисковать жизнью. — Аркашка не был студентом. Он пришел на институтские устроился лаборантом в физический кабинет и готовился сдавать в новом году. Он до слез завидовал студентам и не был еще заражен скептицизмом первокурсников. Университет представлялся ему храмом. Он платил книги до зарплаты. У него была идея фая — прочесть всего Гегеля. Доктор был все же ведущим как энциклопедист, судил обо всем, начиная с футбола и кончая кибернетикой. И Аркашка не замедляла выложиться в доктора.

В группу альпинистов была лишь одна девушка — дочь Андрея Егорыча, но только что исполнилось восемнадцать, она перешла на второй курс и ничего не знала из плано, кроме Ленинграда и Рижского взморья. И вдруг — поездка через всю страну, вылазками, тошнотой окоченевшей шитор, горы. Тридцать парней и разномора о смерти в трещинах, о рекордах, о кадрах полков Риги-Кузай! Мама провозглашала ее в горы, точно на войну. Но, между прочим, среди альпинистов девочка была в большой безопасности, чем в Ленинграде. Тридцать парней делала ее поездку похожей на прогулку. Когда тронулись пешком, и ее рожка тайно вытаскивалась, все тисовало. Ей первой подавали фляжку с водой, готовили для нее палатку; она была назначена уполномоченной на дождь, поперек выходов. Ей же тисовали, как лучше называть лицо от ожогов. Кто-то приваля трикоша к ее ботинкам, кто-то учил ее разжигать альпинистский примус. Мила этого не замечала, потому что все было для нее на одно лицо; кроме доктора. Однако же привязанные ребята привыкли и продолжали дружить с ней. Доктор тоже оказывал помощь, давая указания. Вечером в палатке он показывал ей карты ледников, держа над ее лыжной головкой зажженную свечу.

На горной тропе, шагая у нее стрелы, он раскрывал ей красоту ландшафта и читал.

— Тамр по до мною...

При передаче через горные ручейки он по-пеиорински поддерживал ее за талию. На привале доктор терпел всю складывав стачивающим из беззастенчивого ледника. Доктор по круче и с юроческим поклоном подносил девушке стаканчик, говорил:

— Прошу осушить кубок.

На пятый день пути остановились в высокогорном кишлаке, последнем перед подъемом в мертвую, безлюдную область ледников. По плоской долине сверху шел ледовый поток. Здесь под защитой скал ютились последние жилища гуров.

Вечером Ким привел в лагерь черного парнишку-таджика. Он был тощ и курчав. Грязный ватник был подогнан веревкой на голом теле. Парень попросил работу. По другим глазам чувствовалось, что он не прочит ешь толку-же гордится. Ему дали котлету кашу. Пили он ел, присел на землю и поставил котлетку на лоджик, соanut с мальчиком юг. Валерий Петрович внимательно рассматривал его. От смущения мальшишка совсем соотулся. На его шее фасцианцы выступили позвонки. Доктор отложил и сказал ребятам:

— Знает он похоже на шерпа.

— После восхождения на Джомолунгму? — добавил Ким.

Парень высобачил котлетки и, возвращая его, приложил правую руку к сердцу, скала смиренно:

— Рамет.

— Этот мальчик — нахалка для меня! — заявила доктор и быстро осмотрела мальшишку, отняв ему нижние зубы.

Тот благодарно улыбался; вероятно, он считал, что его осматривают, чтобы взять на работу.

— Слушайте, это же нахалка! — воскликнул доктор. — Житель гор, абorigine Привычен к высоте, здоров. Значит, показывая его организма будут нормальным фоном для странствий. Андрей Егорыч, прощу вас взять его!

Парень с «нормальным фоном» всем повравался. Его взяли, и Ким сказал таджику:

— Ты обогатишь науку, малый, цени!

Тот кивнул с готовностью. Его звали Тамром, но с легкой руки доктора его назвали шерпой. Он три дня не получал омов, привал в горах. Его родители пообещали отцу некоей молодой вдове, что Тамр женится на ней. Совсем мальшишка, Тамр не думал жениться, может быть, он вообще ни о чем не думал: больше всего любил лежать лицом к лебу, расшеивая длинношерстную шкуру. Когда ему объяснили, что тридцать человек соберутся пойти на самую высокую гору, он вдруг заплакал — серьезно, молившись, прикрыв фляговетые глаза.

— Знпавшаяся фляголек, док. — сказала Ким Валерию Петровичу.

— О чем ты плачешь? — спросила доктор Тамра.

Тамр отхлынул глаза.

— Я просил хорошей погоды.

— У кого же ты ее просил!

Тамр. Просто просил!

Одна девушка с мальнику. Валерий Петрович каждый день по мере подъема выслушивал «аборигена», измерял давление. Он заставлял Тамра дышать глубже, и тот втягивал воздух с таким усердием, что плечи поднимались до ушей. Когда доктор приставлял к его ребристой груди блестящую термометр, Тамр ему объяснял, как версипурий переобъемности.

Пока забрался под ледник, все здорово заторопил. «Бросай».

Базовый лагерь разбили на последней зеленой траве перед цинклопескским нагромождением морены, за которой погребной сыростью дышал ледник.

Каждый надеялся поехать в штурмовую группу. Тем, кто не войдет в

составленную десятку, оставалась благоприятная доля записаться в группу в промежуточные лагери, подготавливая условия для избранных. Начальство еще не объявило состав штурмовой группы, и все старались, рассчитывая стать участниками рекордного восхождения.

Начальник группы Андрей Егорыч объявлял: всем соскочить борода и во время штурма бритые головы.

Все сбрили растительность, кроме доктор.

Ким сказал:

— Мы, конечно, стрижемся стадо... А доктор — зыта, на нем ни одного волоска не вылезет.

Борода у доктора была великолепна — прямо бородоустроенный саа.

Наутро «Пирата», взелевая проливания каждый на гребне морены, стоял лицом к леднику. Теперь на дороге дни — аля, аля.

К обеду, вымывшись, Андрей Егорыч, двое ребят и Мила. Доктор тоже мог остаться, но он, конечно, пошел.

Вступая на лед. Замыкающими шли Ким и Аркадий, а перед ними — доктор и Шери. Все было таинственно изобразил рожкаж.

К обеду, вымывшись, и эмзюку, выбрались по ледоподу наверх. Ноги дрожали, в голове гулоло.

Доктор лежал, забрав ноги и полагая себе по голому шипу черной рожкаж с десятком ремешков. Рядом Тамр бережно перебрал, укладывая инструменты доктора в своем мешке. Он достал термометр, налил чаю в кружку, вынул из сумки аптечку, приложил правую руку к сердцу. Это был просто обычная, трогательная обычная горечь.

— Робинзон и Питяичка! — не замедляла прокомментировать Ким.

Скомандован выступление.

Ким обратился к Тамру помочь ему закинуть на спину рожкаж и крикнул от тяжести.

— Ого! Шери тащит за дюной!

Тамр боролся, соприкоснулся плечом, еле выцал из-под своего мешка. Он промолвил шепотом, а Ким сел к нему сзади.

На следующем привале Ким совсем подошея к рюкзаку Валерия Петровича и легко приподнял его одной рукой. Подержал, взвешивая, сделал приятно-удивленное лицо и, насытившись, отошел.

В первую ночь на аду спали как убитые.

Рано утром, когда аля еще спали, а лебу оранжее, как апельсин, от невидимого солнца, Ким высунул руку из своего спального мешка, посмотрел на часы и крепко толкнул Валерия Петровича в плечо. Доктор не выспунился.

— Ваше добротство, сивьюр, — пробурчала Ким. — Через час ноля-ноль завтра.

Доктор добротливо, повозвал и высунул борода. Мороз прихватывал щеки. Доктор потрогал Тамра. Верхней рукой вложил. Валерий Петрович, чувствуя неудобство, пополз на палатки, Тамр пошел за ним. Ким схватил его за ногу.

— Куда ты спи!

Но Тамр вылез и отправился за водой. Руцны замерзли. Он долго расколочивал лед кружкой. Валерий Петрович, дуч на палатки, раскопавший в кармане высушенный заплывающую кашу. Доктор, темжемя, охотничий нож и стал котлом. Осколки резали аду, застревали в бороде.

Отмывавшись, Валерий Петрович принался за примус. Он достал таблетки сухого спирта и подожг их, потом насласу бензина. Пламя пригубило ему в лицо, застревала, задымилась борода. Доктор откопал, примус перевернулся. Из палатки с хохотом смотрели ребята: каждому в свое время пришлось страдать от этого чертова примуса! Доктор наступил. Ребята замолчали, но, отойдя по малой нужде за палатку, там умирали от холода.

Одна Тамр остался serene, обобозначив: помогала своему Робинзону.

Доктор мешал кашу и, разглядывая обожженные пламя, вдруг возмутился, подумав: «А с какой стати меня назначили в дежурство? Ведь им нужен мой пламя, если что случится, а я буду оперировать изуродованными руками».

Завтракали с опозданием: у доктора долго не закипала каша.

Валерий Петрович сказал горько:

— Кажется, я первый буд объект своего исследования... Первый признак высотной болезни — утрата рефлексов, вот не чувствую вкуса сахара. Зависало, зависало.

Ким, предчувствуя недоброе, напомнил:

— Выimoto вернулись.

— Нет, мой Адул ядиль! — сказал доктор почти трагически.

Ким хмыкнул. Аркашка поспешил предостеречь:

— Дайте я поведу кто-нибудь аду!

— Дайте и мне! — сказал Ким. — Наука требует жертв.

Доктор дернул губами и ирочно взвалил на себя рожкаж.

Весь день Валерий Петрович старательно предостергал штурму рефлексов и контролировал над изсколоморничкой.

Впрочем, кое-что он отдала шерповому Тамру, и тот был счастлив от такого доверия.

Еще бы! Ведь он тащил все волшебные стеклянные трубочки, лекарств, шпатель с чурчуркой, бутылки, он служил таинственной нушкой!

И все-таки доктор отставал, Тамр не отходил от него и пока своего бога чтил за термос.

На привале Валерий Петрович доставал из своего рожкажа банку консервов или пачку сахара, отдавая Тамру. Доктору было тяжело, все это выдал.

К вечеру все отряд накалялся недоумоуемой злобой... И на привале Аркашка горестно спросил Кима:

— Как это может соединиться в одном человеке эрудация, талант и... и... Аркашка хмыкнул.

Ким ухмыльнулся:

— И-и... Не рубить в диалекте, нулека! Человек в себя все импрессирует. Это тебе скажу: ты больше похож на Хемингуэя, чем наш дежурец... Хотя он и борода, а ты выбрил, как мехкий буржуа.

Где-то в верхние этажи глухо и тяжело, как далекий поезд на мосту, зарокотала лавина.

На рассвете они с трудом подняли Валерию Петровна на ноги. Ким осмотрелся и расхохотался; оказывается, они почему-то недалеко от базы, зря перепугались ночью.

Через два часа снизу повеяло травянистым теплом. Они забрались на грядные глыбы морены и увидели долгожданную поляну. У палаток, задыхаясь от запаха, возник в дыму костра полуоглуемый Андрей Егорыч в соломенной дочной шапке.

Валерий Петрович дохнул доминантой запаха дыма и почувствовал грусть прощания с этими смешными ребятами, им сейчас идти обратно; в сущности, такое никогда не повторится...

— Э-э-э! — завола Ким, и они поехали по окладистым валунам. Андрей Егорыч прямо с кастрией в руках заступил им навстречу; из палатки выбралась Мила — тоже по-артному, в сарафане, с книжкой.

Андрей Егорыч схватил теплыми руками доктора за локти.

— Что, что такое?

Добрый его нос сморщился, глаза моргали.

— Что там, что сверху?

— Видишь все в порядке, — сказал Ким, с наслаждением шаряя рука-

зак на траву.

С застенчивой улыбкой, розовые, Мила глядела на почтенного, незна-

мого Валерия Петровича.

Он улабылся ей потресканными губами и пошатнулся, тяжело оперся

на мауэрбок, краснотой, стройный, добротам ледяного колымага!

— Помните цену за бандером, — сказала Ким, кривая на доктора. — За

доставку на дом с вас...

— Вы равные, опасной! — спросила Мила доктор, роняя жестко.

Валерий Петрович помрачнел: «Это я бандером! Для этого толстоже-

го не было ночи...»

Ким брякнулся на траву, кричит, расшнуровывая ботинки, попросил:

— Нам бы напиться и закурит!

Аркашка, стыдливо поглядывая на румяные от загара девичьи плечи,

расстав, счастливо вздохнул, совсем позабыв естественную скромность — пусть

убьются ему такие девочки и тонкой рукой укажет на самую жуткую

вершину, он ползает, три раза умрет, доберется! Лишь бы она изумленно

посмотрела на него серьезными и вымышленными глазами, как на доктора!

А она стремглав кинулась в палатку; чуть не падала, прибрежала с бита-

ми, с чайником.

Ким ухмылялся. Девочки, однако, такие дуры! Да все это блажь, на-

до топать обратно!

— Что там с группой? — спросил Андрей Егорыч.

— Группа в норме, — буркнул Ким, застенчиво глядя, как девочка на-

ливает чай в единственный стакан доктору. — Завтра на восхождение. Все

по графику.

Ну, саваа боту! — огулавуя, пролету Андрей Егорыч и усталюно

трону Валерию Петровна за плечо — Вам не следовало рисковать.

— Я только выполняю свой долг! — Валерий Петрович устал прикрыл

глаза, допивая стакан.

Мила встревоженно и ласково смотрела, как доктор пьет, на его уши,

маленькие уши правительской формы.

Аркашка отвернулася.

Ким взял чайник у девочки, став пить прямо из носика, как грузчик.

— Насколько повдвинулся ваш исследование? — спросил Андрей Е-

горыч.

Валерий Петрович развел руками.

— Поначула наш Тамир давал эффективный материал. Но вдруг это

милое дитя природы по беспечности расколотило все мои препараты. Соб-

ственно, он упробовал мои эксперименты!

Ким грубо прекротомат:

— Собственно, для поэмных экспериментов вам следовало ехать на маль-

чишке верхом!

Доктор отлочно расслышал, но не отвечать же этому визову! Доктор

отвратился от Кима, скептически улабылся Андрею Егорычу.

— К сожалению, я заболел той самой болезнью, которую хотел изучать

на других. Но я счеа нужным скрывать свое скверное состояние и продол-

жал идти вместе со всеми. Все были здоровы, кроме меня, мне оставалось

финансово самоотсе. Я тогда был ладн и дохел, был до верши-

ны, но они не хотели беспокоиться, брать на себя хоть какие заботы... Они

принудили меня вернуться, идти по ледопаду ночью! Здесь они забыли о

технике безопасности!

Он все врет! — вдруг воззрзла Аркашка, беспешно и растерянно

оглаживалась.

Мила раскрыла рот от негодования.

— Видите, какой тон, — сказала доктор усталю. — Удивительно! Простой

мальчишка Тамир не замыкал на меня, хотя тыщца за меня часть груза. У

него не было никаких тиесальных проблем — пошорить вершины, побить ре-

корды и... забить о человеке рядом. Он тигнулся ко мне, и... уж чего я не

ожидала, ребята приревновали его ко мне. А вернее, он был им нужен как

высочное животное, а я мешала, они хотели любой ценой избавиться...

Аркашка адрут, растопырив руки, как слепой, метнулся к Валерию

Петровичу.

— Я вам... за вражье!

Доктор придушено охнул, присел на корточки.

Ким схватил Аркашку за локоть штервяно, удержал.

Мила с омерзением смотрела на них.

Андрей Егорыч подбежал, замахах руками.

— Вы будете дисквалифицированы как спортсмены! Вы не пойдете на

восхождение!

— Ничего, перебежес! — угромо сказал Ким. — Стядасы, Аркаша, таких

порывов...

Ким тоже совсем пропад в глазах девушки. Вообще-то она ему ужасно

нравилась, но не в это время было дело...

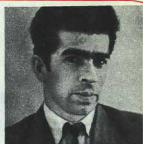
Сулейман РАБАДАНОВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Сулейман Рабаданов — молодой поэт Дагестана. Он пишет на дагестанском языке — языке классика дагестанской литературы XIX века Багратия Поэзла С. Рабаданов традиционна — ей свойственны афористичность, лаконичность, яркость образного мышления — и в то же время современна: краткая форма его стихов сочетается с глубиной мысли, с современным видением жизни.

В прошлом году С. Рабаданов окончил Литературный институт имени М. Горького. Сейчас продолжает работать в журнале «Дружба» в Махачкале. Скоро в издательстве «Советский писатель» выйдет в русском переводе первая книга поэта — «Сердце земли».

Лермонтов

Усами ты, и цветом глаз,
И черной буркой, что крылато,
На моего походив брата,
В стихах восторженного Кавказа.

Он на горячем скакуне,
Как ты, скакал лихим карьером,
Как ты, был младшим офицером
Мой брат, погибший на войне.

Не раз перед твоим портретом
Я мазу заставлял в слезах,
Мой брат — двойник твой, и при этом
Он, удалой, по всем приметам
Теперь живи в твоих стихах.

Ход истерик грозен, и сложен, и прост,
Умирать приходится за правду мужичком.
На вершинах их лужаства выстроен мост,
По которому всходим мы и новым вершинам.

Чабан тропой сошел а низину,
Гудел под сердцем непокой.
И срезал горец камышино
Ножом харьбинским напакую.
И камышино...

... став сармелю,
Была и губам поднесена.
Линьась по горному ущелью
Созвучий тонкая волна.

Земной любви земные муны,
Тревоги, радость, умир —
Все вырвали эти звуки
В базальтовой горстке гор.

Однужку ты мелькнула рядом,
Загадочно и хорше.
И срезала подрубила взглядом
Во мне,

как лезвие ножа.

И сделало оно свирелью,
В одну мелодию сводя
Багряный листопад с метелью
И звоны майского дождя.

Не облетает конь с пути
Ни в метель, ни в поледнеде.
Только, всадник, отпусти,
Не натягивай поводья.

Не собьешь и я с пути.
Только в злую непогоду,
Как надежду, засевет
Лампу к моему приходу.

Мы даме оттого порою тумны,
Что друг абзким не осадил коня
И не с кем было разделить наш умир,
Потолокуют о жизни у огня.

Перевел с дагестанского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Рисунки А. ГАЛКИНА

Я ЛЮБЛЮ ПЕЧАТЬ

Анатолий Попов (1899—1920)

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ АНАТОЛИЯ ПОПОВА, СЫНА АЛЕКСАНДРА СЕРАФИМОВИЧА

1918 год. Все, кому дороги были завоевания Октября, становились под знамена Красной Армии. Принимает в ее ряды и восемнадцатилетний коммунист Анатолий Попов — сын писателя Александра Серрафимовича Серрафимовича, Анатолий Александрович был «...любопыт-коммунистом, стоявшим на посту революции (там писала в то дни газета «Правда»)».

Как пришел в революцию Анатолий Попов? Как вывалился в ряды революционеров десант и сотни выходцев из север, которые не стали коммунистами, воспитанная острая социальная несправедливость и своим угнетением?

...Тогда учился в одном классе с детьми бонниров и генералов. Однокурсники думают о бузу-

щий блестящей карьеры в аристократическом обществе, о деньгах, а он ушел в пятнадцать лет мучительно искать смысл жизни.

От дома писателя Серрафимовича до гимназии пятнадцать минут пути. И каждый раз за эти минуты перед юношей предстает два мира — район горбатых переулков и деревенских домишек, где живет рабочий люд, и богатые особняки, почему одни живут бедно, а другие в роскоши.

Ответ на это дает книги, которые посвоявал прочесть дядя Вениа, брат отца, профессиональный революционер. «Что делать?» Чернышевского, «Капитал» Карла Маркса. И хотя еще не все понятно в них Анатолию, главное он усваивает: «Буржуазия имеет все, пролетариат — ничего». И так, как его любимый герой Рахметов, юноша на-

чинает готовить себя к революционной деятельности.

После февраля 1917 года Анатолия Попова принимают в ряды РСДРП(б), он становится организатором Союза молодежи на Пресне. Работа по привлечению молодых рабочих к Союзу. Горячие спасы. Участие в демонстрациях.

Райком партии сплотил крепкое ядро из молодых рабочих и учащихся. Большинство их вступило в партию. Секретарем первого райкома Союза молодежи стал Михаил Дугачев, пропагандист, страстный оратор и неутомимый организатор. Его помощники — молодые члены партии Анатолий Попов, Аня Литвайко, Вася Устинов, Тania Рыбкова, Сергей Быстров. Все они были исключительно смелыми и дружными, преданными партии и революционной борьбе.

«...Как здорово у нас в Союзе! — записывает в своем дневнике Анатолий Попов:— Люди кажутся не то что в гимназии, — естественные, искренние, простые, а главное, у всех них есть цель в жизни — борьба за освобождение человечества.

И милая Аня Литвайко, и смурная Тания Рыбкова, и маленький Петя Воробьев, и Вася Устинов, тощий и остроумный Сережа Быстров — все ребята с Пресни теперь мои друзья. А главный из них — Мишик Дугачев, отстой парней, рабочий-типографчик. Он может выйти в любую толпу, сказать речь — и за ним люди пойдут куда угодно. Он цельный, не то что наши заплятанные гимназисты...

Я почти каждый день бываю в Союзе и чувствую чем дальше, тем больше становлюсь не развитающимся, а действительным, а действительным. Правильно кто-то сказал: настоящие, энергичные люди мыслят поступками, потому что их мысли всегда воплощаются в делах.

Таковыми они были, наши ровесники, в 1918 году — живущими для революции, творщими во имя революции. За это их уважали как равных себе их отцы.

«Члены райкома», — пишет Аня Литвайко о собрании, происшедшем на квартире у Поповых, — обсуждавали о том, как идти работать. Одни в комнату, где мы сидели, вошли Александр Серрафимович. Здоровья, он очень внимательно посмотрел на каждого из нас. Мы все вскинули, предлагаем ему садиться. Но Александр Серрафимович заявил: «Я буду вам мешать. Вы серьезные вопросы решаете, а ведь я не член Союза рабочей молодежи «И Интернационал».

Затем боевое задание. Анатолий становится свидетелем Северовоенного фронта. Оказавшись арсенал орудий в Кремле. В сердце молодого большинства крепнет ненависть и благодарности. Он поступает учиться на артиллерийские курсы и после окончания просит направить его на Север.

Попов с энтузиазмом интернационал.

В августе 1918 года Анатолию Попову посчастливилось встретиться и беседовать с Владимиром Ильичем Лениным.

Восемнадцатилетний Анатолий — начальник политехнической Северовоенного фронта. Потом Южный фронт. Сражается против белоказацких банд в сенок водных местях — под Усть-Ижмаринкой, Вешенской, Калачом.

«Еду, еду на Дон, в батальоны места, в самое пекло. Надо почистить о казак! Насстроение твердое. Я доволься счастья и даже войне сейчас рад: разве это наслаждение больше, чем драться за идею, в которую веришь? Мы легим в истории России — все в будущем. В борьбе за это будущее — огромное, невероятное счастье!»

«...Уже не первый месяц я на Южном фронте.

Вчера в штабе рвали как быт, что делать? Кадетская школа была, там же и кадеты. Офицеры Мамонтов, нам совершенно необходимо находится в городе. Иначе Мамонтов может соединиться с восставшими в нас в тылу белоказаками. Командир говорит: метель, пурга, глаза слепит, красноармейцы не пойдут на город, потеряться в степи, наступить сейчас бессмысленно, да и у Мамонтов сил немало, больше, чем у нас. Я с ним стал спорить (указаво аю окончательность его и воепоиску, бывший царский офицер, но соглашаться просто не могу). Пусть он командир, а мне — 19 лет, и я — комиссар, но, когда прав,

не могу молчать. Стал его убеждать: именно потому, что мой план противоречит всем здравым доводам надо и можно сделать ставку на ожидание нападения в такое время, значит, надо выступать. Только так. Иначе днем нас разобьют.

Командир говорит: — Молод еще, вот и говоришь. (Между прочим, мне здорово мешают мой возраст, как услышат, что мне 19 лет, несерьезно улыбаются.)

Я оказался прав. Добровольцев идти со мной на город оказалось больше чем достаточно. Шли, взявшись за руки, чтобы не потеряться в ночной бьющей тьме. Казалось, что идем не по земле, а по дну замороженного моря. Ветер скатывает даже призывные шапки, в мою фуражку сразу сорвал. К городу подошли — тут немного тише.

Сразу и штабы и по квартирам. Белье не успели даже штаны надеть, не только винтовки зарядить. Правда, штабисты скорее пришли в себя. Зарядки даясь, стали отстреливаться и пытались скрыться. Я одному, который полел через оном, выстрелил прямо в упор (стоял под оном). Он, мертвый, свалился на меня. Неприятно, но...

...Если бы не преданность, не героизм наших красноармейцев, конечно, с такими количествами сил мы бы не взяли город. Я только не это и рассчитывал, когда предлагаю этот план.

После комиссии по любви к Родине. Он точно следует правилу: «Знание коммуниста налагает обязанности», но дает лишь одну привилегию — первая сражается за революцию.

В Донбассе, рассказывал Александр Серáficoвич, Анатолий Галин в Бресте был командиром взвода. «Он любил. Огонь с батареи противника был чудовищно метким. Глаза светились, как фонари. Ну, нужно было, чтобы кто-то спланировал, увидел, доложил командиру. Огонь останавливался, казалось невероятным. Обязанности отход в тыл, планирование отступлений. Молодые силы не выдержали напряжения. Анатолий поднялся на крышу бронетанка, лет и ажал, как мертвый... Минуты две неподвижности, свежего ветра, звонящего меня вероютии силами.

Командир вновь организовал наступление и после неждоного боя вышел стачиво.

После ранения юного получает назначение в кавалерийский корпус Буденного. В один из боев Анатолий погиб.

В Москве Серáficoвич передал письмо: «Дорогой товарищ!

Сестра только что передала мне о страшном неслучае, которое на Вас обрушилось. Позвольте мне кратко, крепко показать Вам риск и опасность бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание, поцеловать в лобик и поцеловать поцеловаться с Вами. Но Ваши прощания и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как НУЖНА работа и всецело Ваша работа и как необходима для Вас твердость тела, сила и пожелание железного настроения и ЗАСТАВИТЬ себя учиться к работе. Простите, что пишу коротко. ЕСТЬ раз: крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленчик.

Рассказывал о сыне, А. С. Серáficoвич говорил: «Это типичный пример познания интеллигентской рабочей революционной массой». В Ленинском архиве в архиве его отца — писателя Александра Серáficoвича, мы увидели путь формирования гимназиста в стойкого бойца революции, отдавшего жизнь за правое дело.

Позже, эти письма из дневника Анатолия Попова заинтересовали молодого читателя.

В УРАСОВА, директор Музея А. С. Серáficoвича, г. Серáficoвич.

20 МАЯ 1915 ГОДА.
Как плохо жить, когда не знаешь — для чего? Это делать, как правильно жить, и чему все кругом сопротивляется на тему «Смысл жизни человека». Учитель поставил мне «сказку», что сочинение мое отличается глубиной мысли.

ли. Боже мой, я сам не знаю, для чего живу, а оно мне свистит «а». Он и Ратковский, графу, поставил «а». А ведь Ратковский — старик и Богдан для него жить — значит копиться деньги. Он зарекается, но не подает ницему...

Кто из меня получится? Как сделать, чтобы какой-то толпи вышел от мой жизни... Не знаю, не знаю, не знаю... А ведь мне уже 15 лет!

3 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА.
Кажется, стал лучше — во всяком случае, старею. Прошлое лето я жил на даче с папой и с Ядвиги Виней, и там я, кажется, стал человеком; у меня стали появляться какие-то взгляды. Лето это было чудесное. Папочка да еще дядя! А теперь дядя совсем переехал в Москву и живет далеко от нас. Мы с ним подолгу разговариваем. Он знает столько интересного! Он прямо как целая библиотека. Вчера, например, рассказывал мне про политиканство, про ученого Карла Маркса. Оказывалось, этот Маркс сказал, что счастье — это борьба. Я согласен с ним, только вот еще не знаю, как бороться.

13 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА.
...Дядя открыл, наконец, свою тайну, он марксист, член РСДРП с 1903 года, большевик. Большевики борются именно за коммунизм. Теперь у меня есть цель — быть, как дядя, революционер, и мне нет дела до гимназии.

3 МАРТА 1917 ГОДА.
Ура! Произошла революция — свергли царя. Большевики вышли из подполья. Райком ЦСРДП на Пресне находится совсем рядом с нашим домом. Я туда хожу каждый день. Может быть, и я могу чем-то помочь, давай Вино и другие большевики. Читая все газеты по старым Ленин.

28 МАРТА 1917 ГОДА.
Сегодня меня пригласили в РСДРП. Даже не верится. Теперь и я буду бороться, а писать будет некогда! Ура! Большевик Тол-я-а-а-а!!!

7 ИЮЛЯ 1917 ГОДА.
В Петрограде Временное правительство расстреляло мирных демонстрантов, а в Москве разгромил редакцию «Правды» (там работает дядя Вино), сбросил на ходу с трамвая нашего пренского большевика Ивана Слесарева, а Мишку Дугачева избили на митинге.

Положение изменилось. Ленин говорит, что буржуазное Временное правительство показало, наконец, свое лицо. У нас, jeunes Соцдеа молодежь, теперь еще больше дел. Ведь на плечи нашего поколения легла историческая задача. Если мы ее не выполним — будуче же нам это не пристало.

8 НОЯБРЯ 1917 ГОДА.
Ваша правда два дня делал революцию, неделю почти не ложился и выдохом протестуна. Итак, жизнь в мире социалистическая революция свершилась. Даже не верится, что вчера, при мне прибыл нас интеллигентский советник. Это когда нас с Мишкой поставили под расстрел.

21-МАЯ 1918 ГОДА.
Кагда-нибудь лет через пять, когда будет близок коммунизм и будет время писать, я засяду на много дней и опишу все, что сейчас происходит. Какое трудное время!

В общем, нулик, на котором мы живем, продолжает действовать. И уж если жить в этом вулкани, то лучше в центре, на передовых позициях.

Простись много раз отправить меня на фронт, но пока не пускают.

...Это было вчера. Необыкновенный змет Во-

робьевы горы. Сосна учалась куда-то вверх. По стволу вылетел одинокий слеза. А игла громко и задорно топчется во все стороны.

Внизу стоим Руза и я. Я спрашиваю, хочет ли она, чтобы мы вместе встретили утром солнце, чтобы шагали под дождем в грязь.

Она медленно прожмолот, глядя на воду: «Да».

17 ИЮЛЯ 1918 ГОДА.
Сейчас уезжаю. Мечтал не ехать, в отпразднели в Елабугу... за дачами.

Еще весной пренских детей, чтобы спасти от голода, авиалин тула, а сейчас к Елабуге подохит Колчак, надо срочно эвакуировать. Страшно: от огромной неведимой России осталось, вероятно, одна пятая часть.

И все-таки я счастлив! Здорово мне повезло: родился в этокое время!

3 АВГУСТА 1918 ГОДА.
Вчера приехал, а сегодня опять уезжаю. Теперь уж это точно — действующую армию. Неожиданно быстро, но тем лучше. На Восточный фронт просятся — не лустим, еду на Север, в Колчак.

11 НОЯБРЯ 1918 ГОДА.
Завтра утром уезжаю на Южный фронт. На Севере ничего особенного не случал. Командовал артиллерийского парохода «Сильный», участвовал во многих речных боях, ездил по деревням, горюшкам, вострому.

Приезд осколов снаряда, который чур не сцался мою жизнь. Англичане — гады: у них канонерки и оружие, и даже газове снаряды. А у нас баржи, передельные под линкор, салюги вместо авиалков, голыеые жюветы да храбрость. Она-то и выручает.

12 ЯНВАРЯ 1919 ГОДА.
Уже не первый месяц на Южном фронте. Наша восьмая армия наступает с трудом, с потерями, с болезнями, с плохим обмундированием и нигуда-никуда не годным продовольствием. Не наступает.

29 ИЮЛЯ 1919 ГОДА.
Я в Золотова. Из восьмой армии прибыл в штаб десятой и смотрю на Волгу. Бесстрашно тужило оттого, что мы потеряли Донскую и Донбасскую области, оттого, что отступаем и отступаем, что фронт на юге вклинился огромной дугой на расположение наших войск, что в Востоке прет Колчак, оттого, что республика наша задыхается в когтях голода, оттого, что здесь, под пулями, гибнет народ, оттого, что в таких муках начинается десятая новая социалистическая республика. Добивалось, чтобы направили меня в казачью часть.

Вчера поступили сведения, что одна кавказская разряда без дивизии Деникина. Энтузиазм и энтузиазм! Только они и спасет.

31 ИЮЛЯ 1919 ГОДА.
Сейчас получил назначенное в часть (весь-таки добился, чтобы в запас не посылали). Через полчаса буду в казачьей.

Уезжаю не протрившимся.

В окне — синяя лодка у причала. Около нее стоит кто-то в шляпе, с винтовкой и саблей. А рядом девушка в платке, грубой куртке. Вот они протянули друг друга руки, пожали их, долго смотрят в глаза и... расходятся.

Суровое лицо. Игрушки.

И суровое сияние протраше.

Вот так это и с Рузее протривши, но ее нет, и я сделалю по-другому.

Подавшие отсюда, на песчаной отмели, я нешуточно огромным буквами: «Я люблю тебя и Революцию! Прощай!»

ИНТЕРВЬЮ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Вопрос. Как известно, подготовка молодых специалистов не ограничивается тем, что получают они на лекциях и семинарах, в лабораториях и на производственной практике. Не может ли бы сказать, какое сегодня основное направление работы комсомола в вузах в свободное от занятий время?

Ответ. В решениях XIII съезда партии, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» перед советскими вузами и комсомолом поставлена задача всестороннего повышения уровня подготовки молодых специалистов. Эти вопросы обсуждались на III пленуме ЦК ВЛКСМ. Думается, сегодня уже нет необходимости доказывать, что высшая школа призвана не просто готовить специалистов в какой-либо отрасли знания, она должна выпускать в жизнь человека духовно всесторонне развитого, человека, равно обладающего профессиональными знаниями, умением и желанием — быть общественным организатором.

Молодое поколение должно выносить из стен вуза способность успешно трудиться в сложных условиях. Известно, сколь быстр сегодня темп научно-технического прогресса, как непрерывно развиваются общественные отношения, насколько повышается профессиональный и культурный уровень советских людей. В этих условиях полноценный специалист должен быть прежде всего коммунистически убежденным человеком: должен уметь отстаивать и проводить в жизнь марксистско-ленинские идеалы. Кроме того, такие качества, как самостоятельность, инициатива, умение контактировать с людьми, перестают быть только личными достоинствами (или — при их отсутствии — личными недостатками) и становятся общественно важными.

Образование и воспитание в вузе — единая комплексная задача.

В этой связи, например, очень характерен единый план идеино-воспитательной и культурно-массовой работы Ленинградского ордена Ленина политтехнического института имени М. И. Калинин. В этом плане предусматривается и улучшение учебного процесса; поиск наиболее результативных форм идеино-политического и нравственного воспитания молодежи; нахождение новых методов в культурно-массовой деятельности; и, наконец, перенесение центра воспитательной работы непосредственно в студенческую группу. Вневузовская работа органически входит во все этапы плана.

Если же попытаться определить основные направления, по которым комсомольские организации вузов ведут работу со студентами во внеучебное время, то, пожалуй, их можно было бы — разумеется, несколько условно, как при любой классификации — определить так:

- воспитание гражданственности, общественно-политической зрелости;
- повышение качества профессиональной подготовки;
- участие в производственной и культурной жизни страны;
- формирование того комплекса качества личности, которые можно назвать «душевной грамотностью».

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о наиболее интересном опыте работы по названным выше направлениям в различных вузах.

Ответ. Прежде всего, говоря о школе политического воспитания,

нужно подчеркнуть, что мы считаем необходимым, чтобы общественно-политическая практика студентов стала обязательным элементом изучения общественных наук. Личное участие в идеологической работе партии имеет принципиальное значение в воспитании молодежи.

Во многих вузах Тюменской области студенты изучающие научный коммунизм, должны выступить с лекцией на общественно-политическую тему перед трудящимися своего города. На философском факультете Уральского университета ставится вопрос о том, что каждый студент должен стать пропагандистом в сети комсомольского просвещения.

Все более широкое распространение получают клубы молодых марксистов. Заседания такого клуба в Латвийском университете проходят всегда очень активно, там заслушиваются интересные сообщения, идут горячие споры по различным актуальным вопросам.

Хорошей формой политического воспитания студентов служат школы молодых лекторов, созданные во многих вузах страны комсомольскими организациями совместно с кафедрами общественных наук. Тут можно было бы привести много цифр. Но достаточно сказать, что, например, только в одном Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова за пять лет подготовлены сотни пропагандистов-международников, которые и в период учебы и после окончания института ведут кружки, читают лекции.

Бессспорно, что в процессе этой работы студенты не только начинают активнее относиться к изучению общественных наук, но более серьезно осваивают марксистско-ленинскую теорию. Встречаясь со слушателями, разбираясь в возникающих вопросах, они участвуют в теории и решают практические задачи и, что не менее важно, вырабатывают реалистические взгляды на жизнь, говорятся определить свое — именно свое — место в решении задач коммунистического строительства.

Не так давно, как известно, в Ленинграде прошла Всесоюзная студенческая научная конференция, являвшаяся итогом конкурса студенческих работ по общественным наукам. И конференции, конкурс показали, насколько серьезны и теоретически глубоки интерес у нашей молодежи марксистско-ленинской науке.

Удачной формой патристического воспитания молодежи являются походы по местам революционной и боевой и трудовой славы советского народа. Студенты вузов Омска, Ленинграда, Минска, Одессы, Гродно и многих других городов с гордостью числятся в это движение. Чрезвычайно важно, чтобы в этой области воспитания не проявились тенденции к «приведению мероприятий», комсомольские ячейки каждый раз находили интересную, эмоциональную форму.

Студенты Одесского моринститута уже несколько лет учают историю и боевой путь дивизии Котляского. И вот когда участники похода в будничной форме, на конях и танках, под боевым знаменем дивизии совершили очередной поход, рассказывали молодежи о подвигах котельцев, пели песни времен гражданской войны, — это было подлинно живое сопереживание с легендой.

А студенты МГУ недавно отправились на родину Ломоносова. Прекрасная идея: побывать там, где родился великий русский физик-математик, взять своеобразное шествие над теми местами и направить туда специальный строительный отряд.

Воспитание патристизма неотделимо от живого чувства истории, великой преемственности дел своего народа.

Участие в конкретных делах родного города, области, страны — всегда прекрасная форма воспитания. Она вызывает общественную инициативу, рождает выдумку. А «придумки», поспешно созданные, без четкой программы отучивают и молодежи на житейное, быстро уходят.

Там же, где студенты чувствуют нужность начатого дела, его гражданскую направленность, видят позитивную оценку, — тогда инициатива. В Воронеже студенты политехнического института занялись за педагогически запущенных детей и подростков. Члены защиты Гешелин использовали естественные условия: двор, сад, радиотехнику, космостанки. Сами нашли заброшенные полуоплаченные помещения, отремонтировали их, довели до необходимой аппаратуры. И пошли те ребята, которые вечерами сплываясь бы без дела, стояли в подворотнях, в непроходимо заросших дворах, в парках. Появились «Радар», «Анатор». А тут еще педвуз открыл «Красную Гвоздику», медики же — клуб юных медиков. Кстати сказать, юношеская преступность в городе значительно снизилась.

Вопрос. Насколько подобного рода общественная работа студентов связана с формированием у них тех навыков, которые мы находимся в будущем как специалисты?

Ответ. Когда студенты ряда вузов Москвы работали в летнее время создавая спортивно-туристские лагеря для учащихся производственно-технических училищ, комитеты комсомола рассматривали эту работу как школу системы воспитания у будущих руководителей производства навыков организаторской и педагогической работы.

Думается, что проникновение в дух будущей специальности для студента должно происходить еще в стенах вуза, а не тогда, когда будет введена практика. Это значит, что специалист такой-то с того-то числа приступает к исполнению своих обязанностей.

Бессспорно, что в будущем выпускники Московского энергетического института будут участниками решения сложнейших технических задач. Но все-таки те тех студентов, которые в вузовском смысле своими руками вдули в дебри научных задач аэрификацию сельских районов многих областей, это не только гражданское мужество, это одновременно и высокая квалификация в своей профессии. Ведь это та самая «гипотеза электрификации».

Примеров общественной работы на начальных ступенях будущей основной специальности можно было бы привести много. Большой и интересный опыт у ряда лвовских вузов. 86 «спортивных свечей на заводах и в школах» ведут студенты инженерно-технических факультетов организации творческих вузов на помощь многочисленным кружкам молодой художественной самодеятельности.

Интересно, что лвовский опыт начался с изучения комсомольскими организациями вузов того, как складывались юные коммунистические организации творческих вузов на помощь многочисленным кружкам молодой художественной самодеятельности. Были опрошены руководители предприятий, колхозов и совхозов, практикующие работники. В молодежной газете проведена специальная дискуссия с участием студентов. Выяснилось, что многие выпускники вузов при неплохом узкопрофессиональных качествах слабо подготовлены к орга-

ЭТО ВНЕШНЯЯ ОЦЕНКА ВУЗОВ

НА ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛА «СМЕНА»
ОТВЕЧАЕТ
ЗАВЕДУЮЩИЙ
ОТДЕЛОМ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ИК ВЛКСМ В. Н. ШОСТАКОВСКИЙ.

низаторской и общественно-политической деятельности, пасуют перед временными трудностями.

А ведь, кроме значения всех необходимых предметов, молодому специалисту нужна еще определенная жизненная заплата, которую не создашь путем коллективной лекции.

О важности жизненной школы строительных отрядов, об участии студентов в научной работе здесь говорить не будет, ибо это отдельная тема. Но упомянуть и об этой деятельности студентов необходимо. Позволю себе только еще напомнить, что летом 100-тысячный отряд работников на 8 тысячах объектов, выполнял производственную программу в 195 миллионов рублей.

Вопрос. Во многих вузах накоплен интересный опыт по подготовке самим студентами своей семьи. Это заслуживает распространения!

Ответ. Конечно. Когда ленинградские социологи провели пробное интервьюирование большой группы абитуриентов, то оказалось, что треть часть плохо знает избираемую профессию, 22 процента плохо разбираются в жизни страны и событиях за рубежом, 19 процентов плохо знают культуру страны, 10 процентов слабо знакомы с достижениями науки и техники. Результат: 75 процентов опрошенных не прошли по конкурсу или просто «провалились» на экзаменах.

Поэтому мы поддерживаем инициативу целого ряда вузов, студенты которых ведут активную работу в школах, готовя себе смену. Еще в 1964 году ивановские студенты создали «Университет старшихклассников». Задача его — познакомить школьников с возможными профессиями, дать почувствовать внутренние возможности каждой из них, помочь найти дело, наиболее подходящее именно для данного школьника с его задатками, характером и т. д. В «Университете» четыре факультета в соответствии с вузами города: политехнический, химический, медицинский и педагогический. В МГУ студенты ведут значимую физико-математическую школу, проводят многочисленные олимпиады. Большую помощь оказывают вузы сельским школам, и этот опыт заслуживает поддержки.

Можно с уверенностью сказать, что, готовясь к подобной работе, знаниями студентам навально и сами лучше осмысливают избранное ими дело.

Вопрос. Таким образом, студент не только человек, которого учат. Он сам уже является обладателем определенного научного, культурного багажа и интеллекта — одновременно с тем, как общество расширяет его, — сам выступать в роли распространителя культуры. Какие специфические для студенчества формы принимает такая деятельность?

Ответ. Действительно, успехом у студентов пользуются те, что соответствует всей их возрастной специфике. Что студенту — народ рабочий, азартный, веселый — знатьги можно было бы продолжить, — известно. Но важнее, что это люди с широким кругом интересов, знающие, требовательные. Этим и объясняется тот интерес к досугу, с «книжкой» развивается (было в одном институте — стало во многих), а выдуманное, сухое уходит в песок. Вот в Дугуйнском пединституте клуб конструирующих мастеров работает всемой год. Там много выдумки. На ве-

чера и ним ходят верующие, развешиваются жаркие диспуты. У клуба свой устав. Есть и свои заповеди. Вот они:

— работа должна быть интересной;

— нам можно большой простор студенческой инициативы;

— каждому — свой участок работы.

А если говорить о студенческой самодельности? Вспомним замечательный концерт Всесоюзного фестиваля — многие студенческие коллективы тогда имели огромный успех.

Популярны эстрадные коллективы. Их программы острь, злободневны. Карковский студенческий театр обращается к лучшим произведениям советской и зарубежной литературы, поднимает в спектаклях значительные общественно-политические проблемы.

Студенческие художественные коллективы любят и ждут в самых различных концах страны. Агитбригада МВТУ имени Баумана «Орбита», созданная еще в 1959 году, успешно выступала на строительстве газопровода Буара—Урал, Токтогульской ГЭС, перед войнами Закавказского военного округа, моряками Каспия.

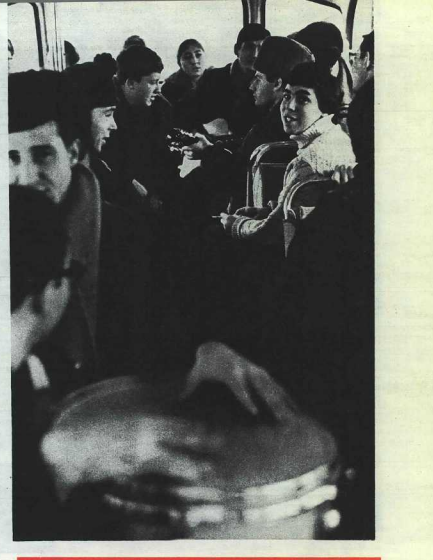
Юбилей 10 Октября посетили студенты поезду к труженикам Мурманской области. Выступали непосредственно на рыболовецких судах, авиационных промислах в Атлантике. На морском пути в 8 тысяч миль агитбригада провела 43 концерта, прочтала более 200 лекций. А потом «Орбита» с успехом участвовала во Всесоюзном смотре художественной самодельности.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, еще одно. Скажется ли расширение круга контактов, жизненное участие студента на его активности в общественной жизни, повысит ли эффективность работы в будущем?

Ответ. Проводились специальные социологические и психологические исследования, которые позволяют утверждать следующее: молодому специалисту необходима «душевная грамотность» — способность хорошо понимать духовный мир другого человека и способность успешно взаимодействовать с ним независимо от того, нравится он или нет. Несколько лет назад в техникум вузов факультетивно было введено чтение курса этики. Сейчас трудно найти техникум вуз, где бы это курс читался. Мы считаем, что неумение молодых специалистов решать проблемы, связанные с нравственными проблемами других людей, — значительный недостаток. Разумеется, расширение жизненного опыта, выход за рамки общины в пределах учебной группы в какой-то мере компенсируют этот недостаток.

Однако проблема продолжает существовать. Известно, что примерно 60 процентов рабочего времени у молодого специалиста состоит из различного рода контактов с людьми. Кафедра научного института Уральского политехнического института изучила недавно, как трудятся выпускники вузов на Урале, в Казахстане, Восточной Сибири и других крупных предприятиях. Оказалось, что неподготовленность специалистов к будущей работе больше всего связана именно с работой с людьми, а не с техническими проблемами, что интересно: те студенты, которые имели в вузе опыт общественной работы, все эти трудности преодолевают значительно легче.

Всегод вел А. ЛАВРОВ

ТРИ ДНЯ В КРАСНОВИДОВЕ

Я еду сюда с агитбригадой географического факультета МГУ в Можайский район. Их человек тридцать, парней и девушек, с разных курсов. Но чувствуется, что они давно знакомы и давно «сплелись» (в привычном и переносном смысле). Сразу же вытаскиваются из чемоданов гитары, аккордеоны, и поющий автобус бодро катится по заснеженному Минусинскому шоссе.

Что же, начало неплохое: три часа хороших песен, несколько мощного леса за окнами и лоды удачных кадров.

Приезжаем в село Красновидово. Здесь у географов база, на которой они проводят летнюю практику, и откуда мы будем ездить по окрестным колхозам.

Ну до чего ж заводная публичка! Поча наши организаторы ходят догваряться в ямь, тут же, у автобуса, и огромному удомстванию деревенских мальчишек и бабус, даются первый незапланированный концерт. Ударник Володя Мошаков прямо на сцену расставляет свои утюжники: утюжено, пригнущившись к лямбда, и играет Сергея Кулибаба, а все остальное, что как зовет, отплевывают летучим усом. Все. Не надо больше никаких рекавиз, никаких объявлений — скоро по всей округе разнесется весть о том, что «приехали университетские».

Знают их здесь очень хорошо. Бригада была организована еще в 1945 году ребятами, приехавшими на студенческие смены в вышестоящих инструкторах. А в 1947 году они «открыли» Московский университетский политех. Страдная пора для него — наука. В нынешнем году он участвовал в разные концы Союза — на удар-

Фоторепортаж
Вадима ОГЛАНИНА

Дальше автобус не шел. Но это не препятствие для встречи со зрителями.

Интермедия — любимый жанр географов.

Зрительный зал — само внимание. Сельский клуб в тот раз так и не смог вместить всех, кто желал побывать на концерте.

ные комсомольские стройки, в тайгу, на Крайний Север, и морями Северного флота и по другим адресам — семь коллективов художественной самодельности. Пасторальный адрес — село. Как теперь, когда нам предстоит три дня ездить по селам Мокшайского района.

Сегодня концерт в Марфином Бродо. Вспоминается в краткий гулаван. И хотя за тоненьким презентом двадцатиградусный мороз и в правый бок на каждом ухабе меня настойчиво тычет прифонтрабаса, а слыку и неудобно на чьих-то коленях, именно здесь я понял, почему каждый, кто хотя раз побывал в походе, потом уже рвется сюда и нет ничего обидней, чем отказ. Всегда возникает какое-то братство, независимо от курса, независимо ни от чего, и ребята уже могут поломиться друг на друга в любой работе. Это умею на я думаю, это мне потом объясняет Леша Снатко в ответ на мой вопрос, что его тянет сюда из года в год в сельские клубы.

Клуб как клуб. Средний, помалуй. Потом будут и простая изба и отчаянно тнущийся за модерном залом отыска. Но публика везде удивительно благодарная. Обычный штрих: первые девять ряда занимают дети, причем некоторые в самых непосредственных позах обломались на авансцену; вон девушка, слушая гитару, машинально продолжает записывать в рот «воздушную кукурузу» из стоищей прямо на сцене коробочке.

Первым всегда выступают Виталик и Ковалева — они сразу находят симпатии ниточки с аудиторией. Старинные русские романсы, цыганские песни... Хорошо они поют солдатскую песню «Поле». О том, что растет «на нем трава, не боле», и что скасует над полям пугли, и идут люди — «воинские отряды», а потом они «к родной земле прижмется холодными щеками». И суровые лица повыхал мужичи в рядах (их позволя возвращаться с этого поля), а маналото ионщина не может уверовать слыву.

Потом сказки Манисима Горного, стихи Рождественского... И тут же студенты заставляют аудиторно смеяться (а это здорово, если ты можешь заставить людей ражировать так, нам закончеш). Студенческие веселые сценки и два коронных номера мужского ансамбля — «Пиратская гесля» и «Хоровой король» — исполняются адек-

новено, захлеб. Когда ребята пели «Хромого короля», когда после строки «...но рад был до слез, что остался вдовой», на секунду замолчали и Боб Алексеев один, до хруста разинув рот, провозгласил: «Ура-а-а!», и думая, что мне будет нехорошо.

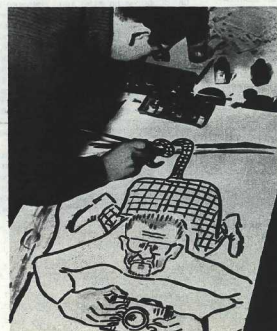
День проходит неприменно, мажало, что после уюта они повалятся по кроватям. Отлюди. Началось свое, местное веселье. Чердование «ожи», танца, конюросов, репетиций перед завтрашними концертами... Были и конюросы-экспромты и традиционные, например, «Конкурс интеллектуалов». Вопросы масса. Неотразим наш «шеф Диаз» мастеро Сергей Кулыба. Мало того, что он играет на любом инструменте, начиная с бергальки и кончая тромбоном и маракасами, в этом конюросе он тоже не пасует... Одновременно создаются дружеские шаржи на участников агитхода: досталось и мне.

Вставали в 9 часов. Завтрак и обычный утренний «военный совет». Один начинал релятивировать, другие едут по деревням с афишами. Потом общий выезд и отдельному клубу, где уже загада битком набит зал, и — лекция.

Быстро, до обидного быстро пролетели эти три трудных и удивительных дни. Последняя традиция — праздничный банкет в самом кругу, Уточни: студенческой банкет. На последнем Уточни начальником агитбригады Сашей Графовым и комиссаром Володей Жуковым приказано не есть ложкою и по три печенки — все это добавится к праздничной смене. И вот сдвинуты столы, и все, встав, поехали руки друг другу на плечи, поют «Гимн геогграфов». Потом происходит торжественно-шутливое вручение награды (кому за что). Даме и не оказалась обиден, получив «Орден просветленной оптики» за «высверление технических знаний в массы» (под эти подражывались две мои лямповые релятивки, они постоянно мешали зрителям).

«Вот с вами, ребята, на свадьбу-то весело было бы! А то пьликает один на ливне...» Это наш растроганный шофер прощается с нами.

И все. Я сбавлю с рулево зеленую нашивку (ее носили все «слагали», бывшие впервые здесь). Если только мне ничего не помешает, обязательно сменю ее через год на красный цвет «быльвалка».

Женский дуэт — первокурсницы Ира Петрова-Денасова и Люда Трепалина.

В костюмерной колхозного клуба за пять минут до концерта — Саша Графов, Юра Свенгук, Лева Сныгко...

Саша Веленков — мастер дружеского шаржа.

СВЕТОПОВЕНОУ...

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

А. С. ПУШКИН

Многонациональная литература наша и искусство развиваются под знаком повзросления внимания к истокам народной жизни, истории страны, ее материальным, духовным и нравственным ценностям. Это аксиомы. «Промышлять должно суметь покончить со всем безобразным прошлым, а красоту прошлого — там, где она есть», — уверяла еще в первые годы Советской власти А. В. Луначарский. В эти слова выражалось ленинское отношение к проблеме связи времён — беречь лучшее во всех сферах жизни — материальной и духовной, развивать передовые традиции.

В двадцатые годы под знаком борьбы за новаторское искусство некоторые писатели и поэты объявляли устережёнными классические традиции, старались оторвать искусство от его национальных корней. Но в ту пору лучшие художники русской и братских советских литератур протиснулись к этому духовному нигилизму. Они исследовали лучшие традиции, продолжали их, наполняя новым, революционным содержанием. С особой силой и ответственностью связаны с героическими страницами прошлого сказания в годы войны. Значит, есть также корни и народной истории, отсюда которые не может venire. Значит, эти корни питают истоки древа современности...

Заботой об укреплении и развитии лучших народных традиций, о воспитании в каждой человеческой душе патристического чувства Родины, о том, чтобы советская литература полнее отражала духовный мир советского человека, вызваны многие литературно-критические статьи и рецензии, напечатанные в журналах за последние годы. Назову лишь некоторые из них: А. Нишова «Смыслы современности» и С. Бергузина «Народное — вечное» («Москва»); М. Лобанова «Истинная личность и личностный миф» («Молодая гвардия»); Р. Палакшиных «Традиции — современность — перспективы» («Дружба народов»); В. Перцова «История и современность в поэзии» («Москва»); А. Ваварова «Отсталое или национальное свой века?» («Вопросы литературы»); С. Савельева «Национализм в литературе» («Москва»); А. Фоменко «Дух времени, душа народа» («Вопросы литературы»); В. Чалмаев «Философия патриотизма» («Молодая гвардия») и ряд других. Автор статьи, там, где она есть, нужна не для маладического андерграунда. В ней частности, которые входят в движение нашей жизни, «Советский патриотизм» — именно это подтверждает сегодняшний день русской советской литературы — неопатем и понятия общественного прогресса по всем миру, от классовой, революционной борьбы. Патриотизм — это деятельность на благо Советской Родины, а не узколичное поклонение внутренним, вневременским идеалам абстрактного национального духа. И потому все в истории и современности, что связано с тенденциями прогресса, с победным духом над злом, привлекает внимание патристического сердца» (В. Чалмаев «Философия патриотизма», «Молодая гвардия», 1967 год).

Каждое, тенденция эта в нашей литературе — в прозе или в поэзии, в критике — заслуживает серьезной поддержки и серьезного анализа. И такой анализ был бы по поводу нашей обмену литературному делу.

Но вышло по-иному. В «Юности» появилась статья критика В. Воронина «Заканчивая духов». По заголовку можно подумать, что речь идет о какой-то нечистой силе. Но реализм здесь на при чем. Критику пришлось по ходу слова о национальном духе, то есть о национальном характере. Особое неудовольствие критика вызвала позиция журнала «Молодая гвардия». Выхватив из контекста ряда статей несколько полупрофессорских «дух» и «духовное», он объявляет автору журнала в возрождении какого-то абстрактного нечистого.

В самом деле, В. Воронин утверждает, что критика в журнале «Молодая гвардия» раздражает современная советская литература. Что эти критики, «осердя на литературу», призывают «искать верховенство национального духа», тут надо бы и приваждать автора. Впрочем, на минуточку нечего, то что я сделаю сейчас, советская шпательница и не признается: «Коллективизм — это не национальный дух». А выдумывает что-то из контекста. Впрочем... Впрочем, советская шпательница лишь на мгновение, и критика далее не квалифицирует, как называет, скажем, жонглирование словечками типа «заканчивая».

В самом ли деле в критическом отделе «Молодой гвардии» «осердя на литературу»? Прочитайте статьи авторов, хотя бы тех, которых назвал В. Воронин, и вы увидите: критик из «Юности» сказал неправду. (Абсолютно, если журнал нечетен!) А выдумывает что-то из контекста. Впрочем... Впрочем, советская шпательница лишь на мгновение, и критика далее не квалифицирует, как называет, скажем, жонглирование словечками типа «заканчивая».

В самом ли деле в критическом отделе «Молодой гвардии» «осердя на литературу»? Прочитайте статьи авторов, хотя бы тех, которых назвал В. Воронин, и вы увидите: критик из «Юности» сказал неправду. (Абсолютно, если журнал нечетен!) А выдумывает что-то из контекста. Впрочем... Впрочем, советская шпательница лишь на мгновение, и критика далее не квалифицирует, как называет, скажем, жонглирование словечками типа «заканчивая».

чсть, область, сфера бытия, которая не определяется основными процессами, обуславливающими движение современного общества, а следовательно, не должна быть главной, определяющим направлением литературы («Молодая гвардия» № 5, 1967, стр. 262). Не об этом ли пишет и М. Лобанов в статье «Истинная личность и личность мнимая» и П. Галикин в статье «Общая душа — ли она?»

С этим-то и несогласен В. Воронин, но прямо сказать не хочет и объявляет своих противников во всех смертных грехах. «Осердя» на критиков «Молодой гвардии», он исповедует: «Раньше заканчивали в тихой скромности и в робкой застенчивости, что так-то-то и так-то-то эволюция, например, «звездных мальчиков», не существовало».

Напрасно обиделся В. Воронин. Были «звездные мальчики», и никто не отрицал этого. Речь шла о другом — о том, могут ли наши писатели погнаться на этот «путь», стоит ли записывать перед ними, отдавая симпатии рефракционной критике в журнале с обозначением «звездные мальчики». (Кстати, В. Воронин считает, судя по его обиде, главной заслугой журнала открытие темы «звездных мальчиков».) Уж не это ли та «внешняя реальность», которая, по его словам, предстает «в первую очередь историческое содержание»?

Критики «Молодой гвардии» призывают не замыкаться на изображении узкой части молодежи, а доходить до оснований народной жизни — рабочего класса, интеллигенции, крестьянства — на всех ее участках, а В. Воронин обижается за «звездных мальчиков».

Выдти ли из этой несоответствие?

Выяснить удивление еще одна тенденция в статье В. Воронина.

Вернувшись к судьбе «звездных мальчиков» он согласен. Но вот владычество в грядущей истории, истоки формирования характера героя нашей советской литературы — почему ему так важно быть постыдным малодушником? Он начинает обвинение. «Грудами своего народа постовал Ломоносов и Лобачевского, Пушкина и Горького, связывая с ними свои надежды и мечты о будущем. Так неужто возвращаемся в прошлое в поисках поскожного народного начала?»

Оставшим же еще раз бойке пере критика. Ведь речь не идет о возвращении поскожного русского начала, речь идет совершенно о другом — об уважении наших народных святых, о глубине познания своей страны. Зачем же ухватываться за пару неверных суждений В. Солухина о историческом материализме, почему ему так важно быть постыдным малодушником? Прощай, В. Воронин, забудь существование журналов! Зачем вы так высказывает на свет божий жульва «русостать»? Как не вспомнить тут, что было время, считали некоторые «войны и мир» «сумбуром славянофильства» и Белинина ругали на все корки за пристрастие к «поисковой Русии».

Прива В. А. Пушкун. Нам не привычно быть постыдным малодушником. Ибо не чудак нам «человеческое чувство гордости за великое и достойное уважения в истории нашего народа».

Как бы не так, самым нам предостережительный голос критика из «Юности» — не привыкли ли это «к размытию» принципов патристического интернационализма?

И спеть пока. Сначала пока защитника всей нашей литературы. Теперь новая пона.

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

Самым, конечно, может, В. Воронин и не читал, что по этому поводу пишет «Молодая гвардия». Вот слова критика А. Новиченко: «Личность связывается с «человеческим» словом уже через народ». Утверждать, что любовь к своему народу к его языку, культуре «мешает» заданым коммунистическим структурам и созданию единой культуры будущего, могут лишь люди, ничто не привыкли в совершенстве идеи марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Ибо «интернационализм» — не единение «пустот» (№ 10, 1967, стр. 293).

**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Дирижер.

Фото Анатолия ГАРАНИНА

Внука Алексея Максимовича — актера Театра имени Вахтангова Дарья Максимовна Пешкова рассказывает корреспонденту «Смены» Н. Чашникову:

— Первое мое знакомство с кино произошло в детстве. Мне было тогда лет семь-восемь, жила я на даче у Алексея Максимовича в Горьках, где часто устраивались премьеры. Помню, как в тандем дня и забирался и несли на плечах огромный телевизор. За начала, охоранявая атмосферю кинозала.

Для меня это было таинством за семью занавес, пошестем невиданной силой, магией. В нее гас свет, и на кусочек белого полотна, который тогда кто незаметно свисал потоком, вдруг начинала происходить чудеса... В памяти сохранились некоторые названия фильмов, которые мы смотрели тогда с Горьким. Это чеховские комедии, «Пышка» Михаила Ромма, «Временщик» Юрия Сергеевича Эйзенштейна, лудовициана «Мать», первая часть трилогии о детстве Горького, которую тогда поставил Марк Донской. Горькому очень нравились эти фильмы. Он любил кино, был извещен как ценитель и друг этого нового вида искусства, которое в то время начинало уже спорить! Правда, участие самого Горького в

жизни кино не было систематическим, но интерес к нему на протяжении четырех десятилетий никогда не иссякал. Меня сохранился один номер журнала «Театр» за 1915 год, где опубликованы ответы Алексея Максимовича на анкету, предложенную редакцией. Вот один из этих ответов: «Кинематограф меня занимает исключительно место в нашей жизни. Это происходит тогда, писал он, когда кинематограф проявляет демократическую среду, стремится к требованию и научам народа...»

Известно, что еще в 1916 году Горький принял участие в организации первой киностудии, которая доселе была силами артистов Художественного театра ставила фильмы и принимала участие в съемках и Федора Ивановича Шаляпина.

После революции в первые дни Советской власти Горький разработал обширный план создания киноплощадки и театральных постановок — список мы было написано несколькими страницами — «Счастливая Рязань», «Прототипы» и другие, а в конце 20-х годов он работал еще над двумя предложениями: «По пути на дно», задуманным как предосторожность героев пьесы «На

дне», и «Преступления, посвященным волюнтарей его теме Борьбы с детской беспризорностью. Горький писал для кино и о нем, а мастера кинематографа и немого и звукового часто обращались к его произведениям. В 20-е годы в Пушкинском постановили фильм «Мать» — в 30-е годах были сняты «Детство» и «В людях», «Мои университеты» и другие.

Сейчас, я слышала, на Ленинфильме готовится это произведение «Якшик Якимя Сакитина» на «Мосфильме» Борис Бабченко снял «Мать-мать». Мы спрашивали: какое место занимает кинематограф в этой жизни? Выните ли, и театральная актриса, most основная работа на сцене? В Театре имени В. Вахтангова. В кино я сыграла в одной роли — в фильме Юрия Вышинского «Алпассаната», где сыграла свою бабушку Катериону Пешкову. Это произошло в 1963 году — она еще жила тогда. Роль невольная, эпизодическая, но уже очень все это было интересно играть. Помните эпизод К Горькому приезжает Владимир Ильич, и они слушают «Алпассанату» и эту Пешкову. Когда Екатерина Павлова посмотрела этот фильм, увидела себя на экране, она оказалась довольной, говорила, что узнала себя. Мы были очень похожи друг на друга...

Дарья Максимовна Пешкова.

УЖЕ «ВОЛШЕБНИКИ»

Утро. Пустынная площадь. Попаляется трава... Из травы выходит молодой человек в шлеме. Он направляется к стоящему на площади танку. Там находится новый фильм великого режиссера И. Сословой и Р. Хамидова «В горле мое солнце». Это своеобразная воля актера интерпретация произведения Гейдеггера в духе немого кино. «Григори» немого кино не только не теряет, но и приобретает преобладающие черты в отношении к музыке, музыкальное сопровождение, музыкальные герои... это ослепительная, современная присутствия самого давно прошедшего времени, времени юности наших бабушек, Д. Чашникова, «каломорско-логические драмы».

Фильм ретроспективен по содержанию, современное воплощение этого содержания — наборот, Вероника и началу картины. Никто из режиссеров немого кино не осмелился бы даже попробовать вывести из-за кадра писанно, поставить его на трамвайные пути, посадить за него тапера и заставить

Дочь Кокака — Е. Соловев.

«Чучело» — Слав Кулеков.

Тапер — режиссер.

РИНГОВЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ В ЖИЗНЬ

Ему очень не везет, спортивную карьеру оборвал блестящие победы на лыжных полках и веревках джорданов, на годов бой гилди бассейнов и спорных пометок спортивных залов, он уже тоже не выиграл ни одного чемпионства. (Сознательно проиграл, но на страницах литературных произведений, на верных кино и помыслах творческой сцене.)

В трудном спортивном положении герой демонстрирует лучшие человеческие качества: силу, доброту, мужество, смекалку, ум. На страницах и экранах от гетто-го героя не остается схема. Там он становится личностью, обладающей добродетелями или пороками, которыми его изводит и награждают авторы.

Вспомогательные персонажи, метафорой спортивного героя при переводе с экранов на страницы литературных произведений или экран по многим объективным особенностям авторского актива так называемой спортивной литера-

КОЖАНЫЕ ПЕРЧАТКИ

Михаил Александров в «Кожаных перчатках» изд. «Советская Россия», 1967.

туры. Большие, маститые писатели слишком неосторожно берутся за спортивную тему, а те, кто берет, зачастую незаметно с материалом настоятельно чтобы создать правдивый, полноценный художественный образ. И наоборот, люди, которые хорошо знают спорт и смело берутся за тему, плеще не владеют литературным мастерством. И обоях случаях результат оказывается плачевным.

Вот почему читатель, истосковавшийся по настоящей галлантивной странице о драматизме в мире спорта, так жаждо видеть какую-нибудь книгу, которая выведет из этого тупика.

Герой повести Михаила Александрова «Кожаные перчатки» Николай Кошелев проходит трудный путь от мальчика до чемпиона страны. Сурово претерпев его характер не жалеет обескуражив. В изнуренном водородом сомнений и разочарований не жалеет, легкомысленных минутей в ресторанах и борьбы с самим собой на источках

аллах парня герой практически выживает для себя очень важную, а ему сказал, основательно изучив спортивную историю, какими границами современного мира спорта? Справедливы ли ринг, как, впрочем, и любая другая спортивная площадка, размеры, предусматриваемые в правилах? Или в соответствии с духом времени, с характером спорта середины XX века, когда спорт стал такой же важной составляющей общественной жизни, как политика, экономика, искусство, он способен удовлетворить все? Или же человек без остия?

Николай Кошелев удивительно верно с самого начала спортивного пути. У него были прекрасные товарищи по работе: Хордирид Натанаша с доловым напоривым и сложным характером, и тренер Андрей Стефанович, который больше заботился о ринге, чем о выработке морального тела. Первый тренер стал для Кошелева его совестью. Андрей Стефанович — один из самых интересных персона-

жей в повести — первым заставил Николая задуматься об истинных размерах боевого ринга.

Нельзя сказать, что автор повести всегда удается набивать уже знакомые истины. Какое-то порою, что сомнения, которые высказывает Кошелев, терзали прежде, но в одно литературное мгновение, которые высказывает Кошелев, как это полагал автор, говоря убедительные читателю и видевшему до сих пор.

В повести есть один момент, который бы мог сделать действительным всей книги. Знаменитый завод ринга Николай Кошелев спускает в кино. Ему кажется, что теперь, когда он кулаками завоевал право называться сильнейшим на ринге, ему подвластно все. А отсюда уже недалеко до философии, что ему все позволительно. Он думает, что однажды затрясет на ринге людей духовные и физические телера без труда помнят зритель и стает кинозритель. Ступенчатая режиссерская «Душевно» тапалит...

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Когда почти как два руки,
мосты терпеливо сводились
и в платях белых
вдоль реки
десятиклассницы светились.

Когда до самого утра
редкие баены начались,
под медною рукой Петра
чуть влажные глаза встречались.

И я
немало лет назад,
в начале лета,
как насъ алкобенный Ленинград,
всю ночь стоял у парадета.

Туман струился на восток,
лишь солнце прозялоло облик,
как саеного зяда ижурок,
через полупрозрачный облок.

И наконец туман редел
с медлительностью деревенской,
и на работу я велел
свзозь «Пирожковма» на Невском.

А город словно плыл за мной
и успевал слегка качаться,
как будто выйбер голубой.

Он плыл за мной, пучи двоя
на бронзовой гранитной кружке,
и весь прозрачным был
и хрупким,
как первая любовь моя.

Рисунок Б. ЧУПРЫГИНА

Далеко это
за столицей,
в той бездонной лесной глубин,
где,
пока сиворцы за границей,
спят в сиворочных воробьях,
где сосуди на древних веках
перепутаны, как годя,
и блещит на замерзших ренах
заколдованная вода.
Где на ливн саеного хлеба,
как деситинки на врага,
опускается прямо с неба
кристаллические снега.

Вдалеке от шального гула,
разбрызган зима-бытья
вдугу природа грустно
вздохнула

да и... выдохнула ее!
Мим прощяе
в мужинном храле,
время требуя превозмочь,
все, что было святого в бабе,
обриулось в родную дочь.
Как застенчивый постоялец,
мир смотрел, и росла она,
на щечках проступал румянец,
волос допыт и груди лопала.
И смывала собой округу,
понимающую в девках толк...
Как находит в нощи поугру
офионной беснуиной вопли
Как листом, отворяясь тно,
ловит сомечный луч в лесу!
Как находит зава зайчиху,
утика — селезня.

лик — лису!
Возле жаркого сарафана
ты, соперник, давай молчи.
Два жакана,
как два жакана,
общались сойтись в нощи.
Да и тот любовался ею,
всей,
от пятки и до бровей,
чаа пиебейская кровь древнее
и сильней голубых кровей.
Ниваных тут тебе обманов,
геральдических снов и слов.
Кровь Романа в тебе —
Романов,
кровь Петра — значит, ты
Петров.
Грудь опустит она степенно
в губы рыжего гоюнда.
До чего же живучи гены
зверолова и музюнда!

И через двадцать лет грохочут
сны,
видны в разрывах дыма
интервенты,
как пулеметы мировой войны,
военные стрелочут киноленты.
И все еще не отворачивая мы,
слим по-содатся Бережно и
чутко,

и даже белый госпиталь зимы
на вылечи тревожного рассудия.
И люди просыпаются с урта
от старой рамы
от далекой боли,
и, будто медицинская сестра,
российская пурга ползает по полю.
И одолевт лучше и теплей,
и поят газировкою с сиропом,
и в зоопарк водут своих детей
далеких лет, военных лет сироты.
Среди военной копоги и мгы
над нашки детством грозно и
не ястребы парили, не орлы —
и жукины конюнкеры и
массершмитты.

Глядит седей, не отрывая глаз,
на клетку,
на зверинные вольеры.
Он, сокрушавший штгрыа и
плантерия,
сегодня в зоопарк первый раз.
Он, прошагавший через пять
с бозями вышедший на Шпрее с
Волги,
невиданных зверей,
заморских птиц
заполняет бережно и долго.
Почти от уменьшения на дыша,
он все-таки губами шепчет что-то.
Седей мужична,
сам саперной роты,
сейчас напоминает малыша.

Но и освободителю земля
нельзя, хотя бы ради любуиства,
купить себе билет на карусель
или везело на ливн прокатиться.
Здесь икает птиц
и мощный рык зверей,
здесь чешуя горит,
лоснится кожа.
Здесь даже залетающий воробой
вдугу сморитися аивушительной и
строине,
в нем кровь и плоть.
Живое существо!
И зоопарк мне видится как
средство,
чтоб людям, на войне забывшим
детство,
хоть краем глаза заглянуть в него.

Я по земле моей старинной,
когда грешный год вставал,
с войско раздвигши
перочницами
на фронт из дому убагал.

Когда кругом разлужу пели,
среди нощей чернели дим,
ветры свкрстнлись и скрипели,
как коммунаирское ремки.
Жила во аине моя тревога,
душой попятная едва,
когда у каждого порога
стола осель, как адова.
Пришла зима в студеное поле

с неприимирностью мужской,
как трюмб,
как кость собачья в горле:
стопли немцы под Москвою.
И думать я не мог никак
на белом северном огие.
Я бредия страстностью
ребачней,
которой долго зить во мне!

В час,
когда на эстрадах дымятся
поэты
и сверкают зпнтеты,
как зплеты,

неизвестные миру
и члены Союза —
вместе с каждым
сидит персональная Муза,
Председатель.
И Муза высокого ранга,
даже нее уже есть персональная
рамка.

А у этого —
Муза, как старая дма,
у которой сегодня
душевная драма,
но канья,—
пока и сама не решила.

Эта в юности,
видно, немало грешила.
Молодую поэту
седлают Пегаса,
он еще молодой, но высокого
класса.

А другому
Пегаса впрягают в карету,
чтоб удобней мотаться
по белой снегу.
Здесь любимцы изобретства,
сврианты успеха.
В зале то затканто,
то доухот от смеси.

Все тревожнее становятся сообщения о росте неонацистских сил в Западной Германии. Американская реакция всячески поощряет деятельность фашистских, расистских и иных реакционных организаций внутри страны, берет под защиту тоталитарные режимы в других государствах. Фашизм поднимает голову.

Прогрессивная молодежь мира не может безучастно относиться к возрастающей угрозе возрождения самых черных сил реакции. В июле — августе этого года в столице Народной Республики Болгарии состоится IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов «За солидарность, мир, дружбу». Юноши и девушки планеты обсудят вопросы совместной борьбы против опасности неонацизма, против расизма, против империализма.

БЕЛЫЕ БЛАЖЕННЫЕ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

...Из далекого прошлого носталь в проведение исторические эпохи временной лжи. Бездельный физик глубоко волнует проблема, условно названная им истеричностью.

Уже мнение поколения Амаи живует на сфабрикованном, где навсегда погребено с созданным и расовым неравенством, угнетением, несправедливостью. Но для истории мир прошлого — это никогда не умирающее поле деятельности.

Потому и устремляется в глубины веков луч времени, воспроизводя давно прошедшие события. Он проникает в камеру узника итальянской инквизиции и в зал, где профессор-астрофизик пытается заглянуть в вакуум от исподков титануровых, маркобесов, в тайный храм дьяволомоманивших средневековой Франции, в «ожоку» портомидиков ку-каукс-каана...

А фильм-историк короткими заметками на полях дает свою оценку явленным, переводит до корней мистического фанатизма и мракобесия.

Так строится новый роман Михаила Емцева и Еремея Парнова «Ключья тьма на иле времени» — воистинное антифашистское произведение, проникнутое ненавистью к ласанию и проиграву, испомогенного верой в светлое будущее человечества.

Мирчерт расстегнул портфель и достал оттуда свой балахон. Мелькнул белый лист в черной юрке нагрудной машины. Кладом глаз Мирчерт увидел, как перекосило в зеркальце лицо шофера-негра. Машина с визгом приподняла и тротуару. Мотор заревел, и стук его оборвался.

Ни дурно, парень — усмехнулся Мирчерт — Тебя и не троюх. Поехал дальше.

Но танкост воробал голову в плечи и принял и рубявому полкусу.

— Ты слышал, что я сказал? — Мирчерт приподнялся и потереял шофера по плечу. — Не заставил меня повториться, Гекзай, и ничего с тобой не случится.

Танкост вкочил занависание и осторожно тротуар оранжевый «Фордси» с места. Он тиз и не разогнулся в каки медленно-медленно ступал спометра болтался между 20 и 40), будто онидал удар в спину. Казалось, уши его переместились влево и затряхну, так присоучивался он и шорохам на заднем сиденье.

Мирчерт надевал балахон.

— Ты смотри на дороге, а не в зеркальце! — сказал он, доставляя сиделки на рукавах. — И скорость прибавь.

Танкост судорожно переключил передачи и резко ускорил газ. Шестерня заворчала, и машину бросило вперед. Ярно расширенный бензоклонок в одно мгновение пронеслось мимо. Вокругные стволы плавы замелькали быстрее, газа и вновь заигнал пыльное занатное солнце.

В балахоне было довольно душно. Мирчерт присутств стелли и шдохнул тугой струей ветра. Пахнуло размятленным асфальтом и зипскарикам.

Они вылетели из городка и на скорости 70 миль покатились в Атланти. Мирчерт наизмыл поуглубил полли балахона и осторожно, чтобы не напугать негра, достал автоматический пистолет 32-го калибра. Стнул его и задняя нармаи брешь. Хотя патрон в ристоплет не было, он миг здоровья приподнял. Чем выше устанавливался в парашютич черное дуло, тем солиднее оно выглядело. Это всегда способствовало взаимопониманию.

По обе стороны шоссе поехали улонгоне и табачные плантации. Пестрые, четкие очерченности издалбли, возделанные землять, удобны до синих линии горизонта. Спелющие блины свивались с белужием наветру пестрыя проломленой шветот. Мирчерт нашарил измятую пачку «Козли» и губами вытиснул согнувшуюся сигарету. От щелчка зажигалки танкост вздрогнул.

Машина влетела в столицу Невадиком империи, когда солнце опустилось зами и длинный Филетовый Тени Фонарих столбов, косыми линечками легли на светлый асфальт. Она пронеслась через Банкса и нурто затомознер и наск «Облиниго». Под покосатим тентом нифоидали парни в белых рубашках с засученными рукавами. Они лениво повернули головы и остановившемуся танку. Расплывшаяся рудая мелькала в обещани на стемках стеновой пичной теме.

Мирчерт бросил на сиденье рядом с шороер зелененькую бумажку и, подхватив под мышку

портфель, открыл дверцу. Парни выгугили из него глаза.

— Вот так мистер Ян! — воссхищено сказала один из них, поправляя у расстегнутого ворота приспущенный галстук. — Даэт!

— Не успев Мирчерт встать на тротуар, как оранжевый «Форд» сорвался с места, развернулся и унесся к Вест-Энду.

— Добрый вечер, джентльмены. — Мирчерт не мог не улыбнуться под остроносым молчком. — Я наместе, попал куда надо?

— Что верно, то верно! — Из-за столба поднялся круглолицый бродяга с безразличным пробором. — Интерсний дворец! Как раз напротив. — Он указал рукой в сторону выходящего с парничком оскомина в стиле Новой Англии XVIII века. — Ребята уже собираются. А вы отсюда!

— Из Алабамы. — Мирчерт вынул и собрался было перейти улицу.

— Не ошень-то терпелись, мистер Ян, — остановил его парень в приспущенном галстуке. — Наши дружок на полиции просили не разгуливать по улицам в форме. Сним свое сорочку и выйди с нами станочник пива. Успешь пародиться во дворец.

— Ничего, сойдем и так. Мне надо еще кое с кем парениться словечком. Потому и торопилась.

— То-то причмался сюда на всех парусах! — ухмыльнулся круглолицый.

— А черномышью-то как улетелю! — отозвался его соубытник. — Правильно делает этот парень. Так и надо! Пустя все знают, что такое молчок сорочка с крестом.

За спиной Мирчерта раздался дружный хохот. Перебрав улицу, Мирчерт отсыкал калитку в глухом, выслосо забора, за которым показались широкие рымные отходы балластных вагонов. Там раз послучал левой рукой. Открывшись крохотное полуоткрытое окошечко, в котором показались мохнатые рымные брови и водянистые, в мелкую норичневую крапинку глаза.

— Кто идет?

— Велик человек! — отозвался Мирчерт.

— Прощай, брат! Калитка со скрипом отворилась, и Мирчерт вошел в темный, благоухающий сад. Сбоку от гравиной дорожки сидел на белой табуретке рымчатый, сильно полыхавший толстяк. Он нехотя поднялся и задвинул за Мирчертом дугающую заво.

— Сиольно надо говорить, чтобы не ходили средь бела дня по улицам в балахомах... — проворчал он, уславившись на свое место.

— Разве полиция Атланты не с нами? — спросил Мирчерт, используя только что полученную у папа «Блазгинга» информацию.

— Ладно уж, — вздохнул толстяк. — Идите по левой дорожке.

Мирчерт пробрался темноту, сыротагу аллею. В листьях асплиновых деревьев шмыгали неутомимые птички. Где-то работала димидельная вертушка. Водная пыль нонно проскакивала сквозь газыные проемы молчком. Первая ворюшка Мага Империи стояло несколько машин. Мирчерт постался запомнить номера. Один из них нахотелся поразил его — США 358, — что он тихо приспустил: «Ого, смот Соединенных Штатах!»

У широкой парадной лестницы его встретили два клавалера¹ в черных балахомах. У одного молчок был откинут — он покуривал сигарету.

— Предьяв свою карточку, клансмен! — сказал он, щипочком отщипывая сигарету и зарекая огненной бугенвилляне.

Мирчерт задрал балахон и вытаскил удостоверение «КЛУВА КЛАВАЛЕРОВ».

— Почему ты в белом балахоне рыдвого клансмена, клавалер? — удивился охранник.

— Меня недавно пришил, — небрежно махнул рукой Мирчерт, — и я не успел еще обзавестись черной формой.

— Молчаша, свалить это у нас. Внеси Клоярку патнацать монет, и полный порядок.

— Ого!

— А ты что думал. Впрочем, могу оказать тебе услугу. У меня есть лишний комплект. Почти новый. Восьмь долларов.

— Идет, — немного подумав, согласился Мирчерт.

— Тогда мы монем сделать это не теряя времени. — Охранник взял Мирчерта под руку и потянул его к непохожему флигельку, откуда уже выхледили белые и черные балахоны. — Ты побудь здесь, Пит, — кивнул он товарищу. — Я иду.

— Только не задерживайся! Ты же знаешь, что Ночной Ястреб этого не любит.

Лавируя в толпе кукурузоклансменов, они протиснулись и флигельку и поднялись по скрипящей лестнице на второй этаж. Там находилась помещене с номерными шкафчиками, в которых клансмены хранили свои униформы. Клавалер отпер шкафчик номер 208 и сшил с прочим черной балахон.

Мирчерт быстро огляделся. Сидя на поношонике, двое клансменов играли в мисти. Один в философическом раздумье застыл перед раскрытым шкафчиком. Нескольо человек превоздавались, обсуждая последний бейсбольный матч между ковадней вестного университета и сборной штата. Все лица незнакомые. Мирчерт напряг память. Нет, ничего из них он раньше не видел. Это, конечно, еще ничего не решало, но...

— Ну, давай потарапливайся! — нетерпеливо дернул его за рукав клавалер.

Мирчерт решительно расстегнул свой балахон, аккуратно сложил его и засунул в портфель. Потом достал бумажник и расплатился.

— В самый раз на тебе! — воссхитился клавалер, помогая Мирчерту одеваться. — Ты парень что надо! Как тебя зовут?

— Именет У. Сант, — сказал Мирчерт.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

¹ «К» — кукурузклавалец. Первый опознавательный знак.

² По ритуалу клана, если слово начинается с букв «И» или «Л», эти буквы заменяются на «НЛ».

СКУПЫЕ РОЗЫ ГРЕНОБЛЯ

Анатолий ГОЛУБЕВ,
специальный
корреспондент «Смены»

Никогда еще олимпийский розарий не был таким колочим. И для советских спортсменов особенно. Каждая из пяти золотых роз, сорванных нашими олимпийцами, досталась с таким трудом, что еще долго будут кровоточить раны не только на руках, но и на сердце. Итог Дестрой Белой олимпиады известен. Мы завоевали пять золотых наград, пять серебряных и три бронзовых. Мы получили только 92 очка в неофициальном подсчете.

Нет ничего благодарнее, как ворочить прошлое. Но без этого нельзя осмыслить сегодняшний. В том, что мы пропустили вперед команду Норвегии — и по медалям и по очкам, — быть может, и нет особой беды. Спорт есть спорт. И когда, вернувшись из Вены, я писал о эвонке преферанса мне выигрывай каждый раз, потеряешь партнеров, я имел в виду именно такой возможный вариант (см. «Смену» № 9, 1967 г.).

Но когда признанный мастер уже почти удаво

по сравнению с предыдущим выступлением играет самому себе, — это слишком дорогая плата за желание сохранить партнеров. Тем более, как показал опыт, они не очень огорчались постоянной русской привычкой выигрывать. Соревнники слишком активно воспитывали в себе те качества, которыми долгие годы отличались мы. И вот теперь нам пришлось поменяться местами. Надоели ли?

Ответить на этот вопрос нелегко. Но нужно. И потому снова разбудим память и вспомним, что же и как произошло в Гренобле...

Я не могу не привести слова известного французского режиссера Клода Лелуша, снимавшего фильм о Белой Олимпиаде:

«Давно мечтал сделать фильм об олимпийских играх, именно о зимних играх, имеющих одну особенность: они полны настоящих опасностей. То, что мы делаем, — субъективный фильм. Мы хотим посмотреть интересное, удивительное или просто нас поразившее, независимо от того, видел

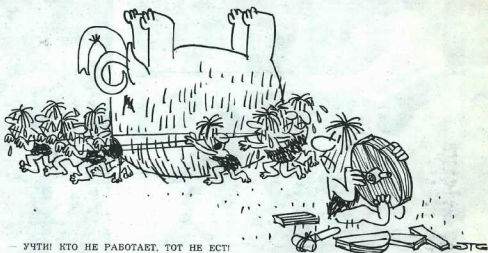
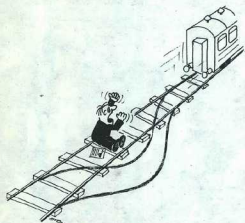
ли это зритель. Фильм будет необычным — лишь печальные и радостные впечатления, дополненные игрой фантазии и результатами игр».

Таков в общем и характер этих записок.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ТИТОВА

Говорят, люди проходят мимо своего счастья не потому, что не могут его найти, а потому, что у них нет времени остановиться и насладиться им. И нашим конькобежцам это не относится. Они так долго стояли на месте и наслаждались своим преимуществом, что, когда решили отправиться дальше, послед, увозящий счастье, давно ушел в Снандваго.

Первое золото нашей стране принес, как ни странно, не спортсмен, а фоторепрессидент. Александр Птицын на Олимпийском конюрье Художественной фотографии был удостоен золотой медали организационного комитета игр. А потом нам пришлось ждать долгих четыре дня, когда след за первой наградой придет следующее. У нас даже было подсчитано сколько и накие.

— УЧТИ! ТОТ НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!

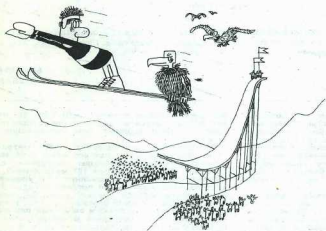

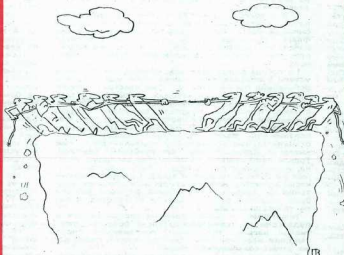
Рисунок А. НЕКРАСОВА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунки В. ПЕСКОВА

Первая страница обложки: золотая пара — двукратные олимпийские чемпионы и четырехкратные чемпионы мира Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Фото В. ПЮККЕЛЯ

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; ласки — Д 3-32-47; музыки и техники — Д 1-04-10; фотоочерка и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер. Технический редактор Н. Будкина.

А 06040. Сдано в набор 23/II 1968 г. Подписано и печати 13/III 1968 г. Формат бум. 70 x 108^{1/2}. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,53. Тираж 1 000 000. Изд. № 604. Заказ № 691.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПЕСНЯ НЕУЛОВИМЫХ МСТИТЕЛЕЙ

Не печальтесь о сыне,
Злую долю кляня.
По бурлящей России
Он топил коня.

Громяет гражданская война
От темна до темна.
Много в поле тропинок,
Только правда одна.

Бьют свинцовые ямни,
Нам пророчат беду.
Мы на плечи взвалили
И войну и нужду.
Что ж, над нашей судьбою
Неспроста
Пламенеет звезда,
Мы ей жизнью кладемся
Навсегда, навсегда.

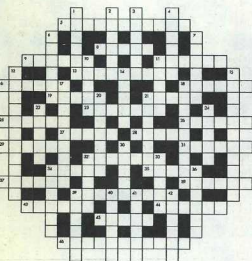
И над степью зловещей
Ворон пусть не кружит.
Мы ведь целую вечность
Собираем жить.

Если снова над миром
грянет гром,
Небо вспыхнет огнем,
Вы нам только шепните,
— Мы на помощь придем.

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Музыка Бориса МОКРОУСОВА

Составил А. ИВАШИН,
г. Называевск, Омская обл.

„Нет для бойцов ночей“

У вьетнамского поэта Тьин Хью есть в стихотворении такие строки:

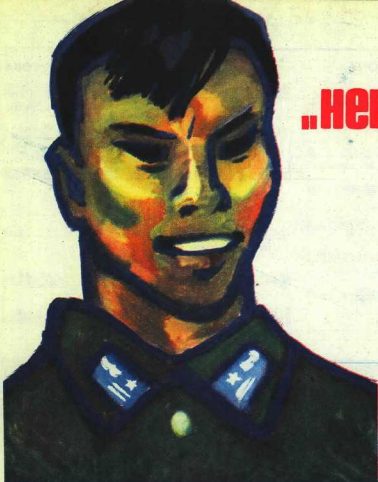
«...Двадцать лет,
как нет
дня для бойцов ночей...»

Они вспоминаются всякий раз, когда слышишь о Вьетнаме, смотришь документальные кинофильмы, перелистываешь газеты и журналы, разглядываешь фотографии, обличающие агрессоров... Каждое новое слово о мужественном Вьетнаме волнует и вселяет уверенность, что народ этой страны непобедим.

И не только слово... Недавно из Вьетнама вернулся московский художник Рубин Сурьянинов. Он «сопровождая» по стране выставку работ советских художников и сам во время этой поездки создал серию рисунков, акварелей. Часть из них мы публикуем в этом номере «Смена».

ОПОЛЧЕНЕЦ ИЗ СЕЛЬХОЗКООПЕРАТИВА

ЛЕТЧИК ЧАН ХАНЬ. ОН СБИЛ СЕМЬ САМОЛЕТОВ.

НА УЛИЦАХ ХАНОЙ.

ТРЕВОГА.

СОЛДАТКА.

